

КОЛДОВСТВО.

(Исследование профессора университета Св. Владимира В. Б. Антоновича
и документы, извлеченные имъ изъ Кіевскаго Центрального Архива).

Нижеслѣдующее изслѣдованіе профессора В. Б. Антоновича и приложенные къ нему акты, извлеченные изъ книгъ гродскихъ и магистратскихъ судовъ Юго-Западнаго края, даютъ обильный матеріаль для характеристики повѣрій и суевѣрій населенія здѣшняго края. Сближая данныя актовъ съ современными этнографическими данными о суевѣріяхъ, нельзя не замѣтить, что тѣ же вѣрованія въ таинственныя силы природы существуютъ и теперь; что народъ и теперь вѣритъ въ возможность принести пользу, или вредъ употребленіемъ извѣстныхъ предметовъ, тѣмъ или другимъ способомъ. Почти всѣ вѣрованія, заключающіяся въ процессахъ XVIII вѣка, — тождественны съ современными. Такъ, вѣра въ вѣдьмъ, упырей, „лятавцевъ“ — существуетъ и теперь. Тотъ же взглядъ на „завитку“ во ржи, тѣже возрѣнія на обливаніе пути, тѣже и средства колдовства или знахарства. Вообще, упомянутые процессы могутъ служить богатымъ матеріаломъ для характеристики народныхъ вѣрованій, предлагая, въ тоже время, матеріаль историко-юридическій, такъ какъ они выражаютъ отношеніе суда къ процессамъ о колдовствѣ, а также характеризуютъ судопроизводство, въ особенности судебныя доказательства. Не можемъ не упомянуть и о томъ, что, какъ въ процессахъ прошлаго вѣка, такъ и въ современныхъ вѣрованіяхъ народа, колдовство обходится безъ чорта. Оно совершается посредствомъ предметовъ природы, или дѣйствій, имѣющихъ таинственную силу. Ко всему этому чортъ непричастенъ. Онъ, въ понятіяхъ народа, вообще представляется скорѣе комическимъ, чѣмъ грознымъ существомъ.

Кіевъ.
1-го мая 1874 года.

П. Чубинскій.

При пересмотрѣ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центрального Архива, нерѣдко попадались мнѣ документы, относящіеся къ процессамъ, возбужденнымъ по поводу подозрѣній разныхъ лицъ въ чародѣйствѣ. Перечитывая внимательно документы, я, помимо предвзятаго ожиданія, не нашелъ въ нихъ ничего аналогическаго съ тѣми процессами, которые возникли въ Западной Европѣ до конца прошлаго столѣтія. Тотъ жестокой характеръ, какой приняли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ, болѣзненныхъ или умопомѣшанныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся во всемъ обществѣ и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ, даже мельчайшихъ, отправленіяхъ человеческой жизни. Демонологія въ продолженіе многихъ столѣтій занимала воображеніе людей и обогащалась самыми разнородными понятіями, почерпнутыми и изъ старыхъ культовъ передне-Азіатскихъ и классическихъ народовъ, и изъ младенческихъ вѣрованій и несложившихся еще мифологическихъ представленій полудикихъ народовъ, населявшихъ континентъ Европы. Понятіе о зломъ духѣ, основанное на старомъ Еврейскомъ преданіи, видоизмѣнялось постепенно подъ вліяніемъ сосѣднихъ культовъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Зендскаго дуализма, проникавшаго въ христіанскій міръ путемъ ересей (въ родѣ Манихейства), возникавшихъ на восточной его окраинѣ. Персональ царства темной силы умножался до безконечности зачисляемыми въ сонмъ злыхъ духовъ божествами сломанныхъ христіанствомъ языческихъ мифологій, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ средневѣковыхъ политическихъ понятій, онъ предсталъ встревоженному воображенію современниковъ въ видѣ грозной, правильно организованной по феодалному строю, расположенной по всѣмъ ступенямъ ленной іерархіи, незримой, но вездѣ сущей, адской монархіи. Опасность отъ нападеній подданныхъ этой монархіи и повседневная борьба съ нею—это главная забота средневѣковаго человѣка. Всякое проявленіе непонятное, необъяснимое, странное или рѣдко встрѣчаемое, хотя бы невинное, приписывается

злomu духу. При слабомъ развитіи реальныхъ познаній, чортъ составляетъ гипотетическую причину всѣхъ явленій, необъясненныхъ строгимъ изслѣдованіемъ и научною критикою. „Физическія неудачи, нравственныя страданія, поврежденіе собственности, таинственныя излѣченія, перемѣны погоды и т. п. приписываются чорту“ *). Въ видахъ самосохраненія люди стараются угадать средства, которыми дѣйствуетъ злой духъ, и разрушить ихъ. Но злой духъ — незримый и ускользаетъ отъ изслѣдованія чувствъ человѣческихъ; потому вступить съ нимъ непосредственно въ борьбу — невозможно; за то вполне доступны его слуги, т. е. тѣ лица, которыя, по мнѣнію встревоженнаго общества, вошли въ сдѣлку съ злымъ духомъ, признали себя его вассалами, и при посредствѣ которыхъ проявляется, главнымъ образомъ, его сила на землѣ. Все общество стремится, въ видахъ сохраненія собственной безопасности, открыть признаки, по которымъ можно бы было опредѣлить слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ. Въ началѣ XIII столѣтія начинается интенсивное розысканіе и преслѣдованіе колдуновъ и чародѣевъ. Духовенство признаетъ своею прямою обязанностью руководство подобнаго рода усиліями и становится во главѣ всеобщаго стремленія, — начинается длинный рядъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя постепенно слагаются въ юридическія формы. Наконецъ, извѣстный фанатическимъ настроеніемъ папа Иннокентій VIII, буллою „*Summis desiderantes*“ (5 декабря 1484) предписываетъ инквизиціи заняться истребленіемъ чародѣевъ и возводитъ въ обязательную дѣятельность членовъ всей церковной іерархіи преслѣдованіе колдуновъ. Въ буллѣ подробно перечислены всѣ опасности, которымъ подвергаются люди отъ дѣйствій злого духа и его клеветовъ, и указано на необходимость принять мѣры противъ возрастающей силы ада. Такимъ образомъ, по остроумному замѣчанію Нѣмецкаго писателя, „Иннокентій VIII, гонитель Гусситовъ и Вальденсовъ, отецъ семи незаконнорожденныхъ дѣтей, былъ отцомъ и этого восьмого незаконнаго потомка, пережившаго, къ несчастію, на нѣсколько столѣтій своихъ братьевъ **).“

Вслѣдъ за изданіемъ папской буллы, въ 1487 г., предсѣдатель инквизиціоннаго суда въ при-Рейнскихъ провинціяхъ, Яковъ Шпренгеръ, свелъ въ одинъ кодексъ всѣ, до того времени разсѣянныя и бродившія въ ви-

*) Gustav Roskoff, „Geschichte des Teufels“, I.

**) Soldan, „Geschichte der Hexenprocesse“, стр. 213. — Для характеристики Иннокентія VIII, авторъ приводитъ современную каламбуръ-эпиграмму, представляющую слѣдующее двустышіе:

Octo Nocens pueros genuit totidem pyellas:
Hunc merito poterit dicere Roma patrem.

дѣ спорадическихъ данныхъ, извѣстія какъ о признакахъ, по которымъ можно узнать чародѣевъ, такъ и о предполагавшихся ихъ дѣйствіяхъ, сношеніяхъ съ злымъ духомъ, обязательствахъ и т. д. Въ заключеніе Шпренгеръ начертилъ весь ходъ юридическаго процесса, весь ритуаль пріемовъ испытаній, разслѣдованій, пытокъ и казней, который долженъ былъ примѣняться къ лицамъ обвиненнымъ въ колдовствѣ. Сочиненіе Шпренгера, — знаменитый *Malleus maleficarum* сдѣлался подручною книгою инквизиціонныхъ судовъ: въ немъ были указаны и предполагаемыя, искомыя въ процессѣ, преступленія; съ малѣйшими подробностями передавались способы составленія „пакта“, заключаемаго съ чортомъ, обстановка празднества „саббата“, условія сношеній съ инкубами и суккубами и т. д., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлялось вѣрное средство добиться признанія обвиненныхъ во всѣхъ взводимыхъ обвиненіяхъ, — пытка, и, наконецъ, помѣщенъ былъ ритуаль неминуемаго во всѣхъ почти процессахъ финала — *auto-da-fé*.

Костры запылали во всей Западной Европѣ, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрною публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII столѣтія, подъ давленіемъ широко развившагося на новыхъ началахъ положительной критики европейскаго просвѣщенія.

Но почти до исхода XVIII столѣтія, законоположенія, опредѣлявшія за колдовство смертную казнь черезъ сожженіе, были въ полной силѣ во всей Европѣ. Въ уголовномъ кодексѣ, изданномъ Іосифомъ I для Чехіи, Моравіи и Силезіи въ 1707 году, нѣсколько параграфовъ посвящены опредѣленію сущности преступленія чародѣйства, а также мѣропріятіямъ, необходимымъ для его истребленія, — костеръ указанъ, какъ необходимая казнь виновныхъ. Постановленія эти отмѣнены были только Марією Терезією въ 1766 году. Во Франціи еще въ 1718 году парламентъ города Бордо приговорилъ къ сожженію лице, обвиненное въ чародѣйствѣ. Въ Испаніи послѣднее сожженіе чаровницы происходило въ Севильѣ въ 1781 г., хотя процессы о колдовствѣ и аресты по поводу этого обвиненія встрѣчаются еще въ 1804 году. Послѣдній приговоръ о сожженіи чаровницы въ Швейцаріи подписанъ былъ въ Глярусѣ въ 1782 году. Наконецъ сожиганіе чаровницъ долѣе всего продолжалось въ Польшѣ: въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, когда Прусская коммиссія находилась въ Познани и

принимала во владѣніе эту область *). Около того же времени, въ окрестности Кракова, по приговору помѣщичьяго суда, сожжено было 14 женщинъ, заподозрѣнныхъ помѣщикомъ въ причиненіи болѣзни его женѣ посредствомъ чародѣйства **).

На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ можно было бы полагать, что тоже отношеніе къ чародѣйству существовало въ Южной Руси, находившейся въ теченіи почти трехъ столѣтій подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши и совершенно подчинившейся послѣдней въ отношеніи юридическомъ, заимствовавшей изъ Польскаго государственнаго склада и порядокъ судопроизводства, и основныя юридическія понятія, и множество отдѣльныхъ законоположеній, вошедшихъ въ обязательное законодательство края, какъ при передѣлкахъ редакцій Литовскаго статута и при дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского распорядка, на основаніи перешедшаго черезъ Польскую редакцію Саксонскаго права. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему всѣхъ послѣдствій выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое народонаселеніе Речи-Посполитой. Хотя существовавшая въ Польшѣ съ XIV вѣка „Святая инквизиція“ имѣла право суда и въ Русскихъ областяхъ Речи-Посполитой, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ Польшѣ ***) , примѣръ чему, по отношенію къ чародѣйству, мы видимъ въ одномъ изъ приложенныхъ актовъ (см. №№ 51, 53), хотя въ Магдебургскомъ правѣ, которымъ управлялись Южно-Русскіе города, и положены были строгія наказанія за чародѣйство ****); тѣмъ не менѣе, на практикѣ эти строгія законоположенія не находили почти примѣненія.

*) Soldan, стр. 457—478.

**) Adrian Krzyżanowski, «Dawna Polska».

***) Постановленіемъ 1555 года суду инквизиціи подчинены были только лица недворянскаго происхожденія (Moraczewski, «Starożytności Polskie», I, стр. 407.

****) Въ четвертой части городского устава мы находимъ слѣдующую статью: „Ренегатъ, отрекшійся отъ христіанской вѣры, долженъ быть сожженъ. Также казнь назначается и для чародѣевъ“ („Porządek sądow mieiskich“, Krakow, 1629, ч. IV, стр. 221—222). Еще болѣе обстоятельныя законоположенія о чародѣйствѣ находимъ въ дополненіяхъ, вошедшихъ въ обязательный кодексъ Магдебургскаго права, заимствованныхъ изъ кодекса Карла V; въ дополненіяхъ этихъ мы находимъ слѣдующія постановленія о колдовствѣ: Статья XIV: „Если бы оказалось, что кто-либо училъ чародѣйству другое лицо, или угрожалъ кому либо колдовствомъ, а потомъ приключилось бы дѣйствительно несчастіе тому, противъ котораго была произнесена угроза, равно еслибы на кого либо пало подозрѣніе въ чародѣйствѣ, вслѣдствіе его словъ, обычаевъ, внѣшняго вида и другихъ обстоятельствъ, свойственныхъ колдунамъ, то, въ силу установившейся молвы, такое лице должно быть обвинено передъ судомъ, и если признаки чародѣйства окажутся

Въ числѣ почти ста дѣлъ, встрѣчавшихся мнѣ среди актовъ XVIII столѣтія, нигдѣ не примѣняется строгость взгляда Германскаго уложенія и инквизиторскихъ кодексовъ; среди всѣхъ дѣлъ, возбужденныхъ о чародѣйствѣ, никогда ни городскіе, ни магистратскіе суды не помышляютъ о наказаніи виновныхъ сожженіемъ и, по большей части, не даютъ процессамъ даже значенія уголовного иска. Обыкновенно уплатою штрафа въ пользу церкви, церковною эпитемією, или очистительною присягою отдѣляются обвиненные отъ взводимого на нихъ подозрѣнія. Среди немногочисленныхъ примѣровъ болѣе тяжелыхъ наказаній, почти всегда исключенія приходятся въ тѣхъ случаяхъ, когда истцемъ противъ чародѣя является лицо дворянскаго званія. Помимо необходимости усилить наказаніе, въ виду сохраненія гарантій безопасности привилегированнаго сословія, въ этихъ случаяхъ дѣйствовала еще и другая причина—разница въ основномъ взглядѣ дворянъ и народа на причину чародѣйства.

Причина относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, лежала не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызвали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовья, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ со злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть, или узнать ихъ. Само по себѣ, обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если поднимался искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія, или упо-

на немъ, оно должно подвергнуться пыткѣ“ (тамъ же, дополненія, стр. 19—20). Статья XXII. „Во время пытки чернокушника и чародѣя, должно допрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ его преступленія: какія онъ употреблялъ средства, какимъ образомъ и въ какое время, какія при этомъ онъ произносилъ слова, или совершалъ дѣйствія? затѣмъ слѣдуетъ допросить у кого онъ учился чародѣйству, или какимъ образомъ усвоилъ его приемы, сколько разъ прибѣгалъ къ нему, и какое бѣдствіе и кому причинилъ?“

требленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу? и только во второмъ случаѣ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Западныя понятія объ отношеніи злого духа къ колдовству вовсе не проникали въ сознаніе народныхъ массъ Южно-Русскаго народа до самаго исхода XVIII столѣтія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ заимствовались, путемъ книжнымъ, лицами, принадлежавшими къ болѣе просвѣщеннымъ сословіямъ: дворянами и духовными. Если такое лицо поднимало искъ о чародѣйствѣ, то только тогда строгость законовъ примѣнялась до извѣстной степени по настоянію истца, какъ это видно изъ нижеприведенныхъ процессовъ. Впрочемъ, такіе случаи бывали весьма рѣдки. Изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя „чорта“, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе. Въ остальныхъ случаяхъ намеки на чорта являются скорѣе результатомъ пустословія и общимъ мѣстомъ, неимѣющимъ ни какого серьезнаго значенія и не обращающимъ даже на себя вниманія суда.

Вотъ перечень указанныхъ дѣлъ: Въ началѣ XVIII столѣтія въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ ткацкаго цехмистра Петра Дерочевского, обвинившаго нѣскольکو сосѣдокъ своихъ въ томъ, что онѣ распространили слухъ, будто его жена причинила болѣзнь мастеру Костю, наславъ на него чорта. Показанія свидѣтелей, собранныхъ по этому дѣлу, указываютъ на то, что оно возникло изъ пустыхъ сплетень и случайныхъ разговоровъ, но не представляютъ указаній на то, чтобы свидѣтели сами вѣрили въ возможность сношеній Дерочевской со злымъ духомъ (см. Приложен., № 1).

Въ 1709 г. въ тотъ же магистратъ жаловалась мѣщанка Агнеса Шагиновая на сосѣдку свою Клецкую за клевету: Клецкая оговорила ее въ чародѣйствѣ и, между прочимъ, распространила слухъ, будто Шагиновая состоитъ въ связи съ „Лятавцемъ“ *). На судѣ Клецкая старалась оправдаться, отрицая распущенные ею же слухи: „О лятавцѣ я ничего не говорила, сказала она, и ничего объ этомъ предметѣ не знаю“ (см. № 9).

Въ 1741 году. дьячекъ Григорій Комарницкій былъ обвиненъ въ Дубенскомъ магистратѣ въ обольщеніи дѣвицы Екатерины Сахнюковой. Онъ оправдался отъ вмѣняемаго ему преступленія, доказавъ alibi, и, желая

*) Лятавецъ—летучій злой духъ,—одно изъ суевѣрныхъ объясненій падающихъ звѣздъ.

объяснить, какое обстоятельство могло подать поводъ къ обвиненію, онъ высказалъ предположеніе, что „можетъ быть, бѣсъ принялъ на себя мой видъ и въ моемъ лицѣ ходилъ къ Сахнюковой совершать грѣхъ“. Судъ не обратилъ никакого вниманія на это заявленіе (смотри № 47).

Въ 1710 году въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралась тяжба между униатскимъ священникомъ Іоанномъ Ставицкимъ и мѣщаниномъ Григоріемъ Бабиженкомъ; священникъ жаловался на то, что Бабиженко распространялъ оскорбительные слухи о немъ и о его женѣ и, между прочимъ, утверждалъ: „что попъ этотъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи чорта“. Обвиненный признался въ произнесеніи приведенныхъ словъ, утверждая, что священникъ самъ подалъ къ тому поводъ, угрожая Бабиженку, будто онъ можетъ вызвать злого духа. Магистратъ не обратилъ на это обстоятельство ни какого вниманія и покончилъ дѣло миромъ, предписавъ Бабиженку извиниться передъ истцомъ (см. №№ 11 и 12).

Единственное дѣло, въ которомъ имя злого духа упоминается въ болѣе серьезномъ значеніи, записано въ книгахъ Винницкаго градскаго суда; оно производилось по обвиненію дворянки Викторіи Рябчинской въ желаніи отравить своего мужа; задумавъ отъ него избавиться, Рябчинская наняла къ себѣ въ услуженіе дворянку Костецкую и дала ей специальное порученіе прискивать средства для того, чтобы наслатъ чертей на мужа. Костецкая обращалась ко многимъ знахарямъ, но ни одинъ изъ нихъ не взялся за исполненіе порученія, не смотря на предлагаемую плату. Не желая, вѣроятно, ронять своей репутаціи признаніемъ въ этой некомпетентности, колдуны подъ разными предлогами уклонялись отъ сношенія съ чортомъ. Одна знахарка отвѣтила: „Я не могу околдовать этого человѣка, ибо онъ владѣетъ чортомъ болѣе знатнымъ, чѣмъ мой.“ Другой знахарь сказалъ: „Я не хочу насылатъ чертей, ибо помню, что когда мать моя наслала чорта на одну дѣвку, то чортъ убилъ и дѣвку и мать, потому я и боюсь прибѣгать къ этому средству“. Не будучи въ состояніи найти эксперта, который умѣлъ бы насылатъ чертей, Рябчинская была принуждена прибѣгнуть къ отравѣ, но Костецкая побоялась исполнить это порученіе и выдала свою госпожу, рассказавъ передъ судомъ весь ходъ дѣла (см. № 49).

Во всѣхъ остальныхъ процессахъ имя чорта вовсе не упоминается, и дѣла разсматриваются исключительно съ пантеистической точки зрѣнія, безъ всякаго участія демонологическихъ понятій. Въ подтвержденіе этой мысли мы изложимъ содержаніе встрѣтившихся намъ процессовъ о чародѣйствѣ, причемъ сперва обратимъ вниманіе на цѣли, съ которыми колдовство

производилось, а затѣмъ на средства, употреблявшіяся для достиженія этихъ цѣлей. Употребленіе чаровницами и чаровниками таинственныхъ силъ природы, имъ однимъ вѣдомыхъ, могло служить въ пользу, или во вредъ. Всѣ факты, имѣющіеся у насъ подъ рукою, располагаются на слѣдующія группы, въ томъ или другомъ направленіи:

1) Самыя многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ о посягательствахъ посредствомъ чародѣйствъ на жизнь, здоровье и разумокъ, а также объ излѣченіи таинственными средствами различныхъ болѣзней.

2) Другая группа фактовъ относится къ примѣненію колдовства съ цѣлью снискать, или предотвратить любовь.

3) Далѣе слѣдуютъ указанія, касающіяся причиненія пользы или вреда въ хозяйствѣ, или ремеслѣ.

4) Затѣмъ слѣдуетъ группа фактовъ, свидѣтельствующая о прибѣганіи къ чарамъ при разнообразныхъ предпріятіяхъ.

и 5) Наконецъ, пятая группа заключаетъ въ себѣ факты о колдовствѣ, которыми пользуются стѣроны при судебномъ процессѣ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію самыхъ фактовъ.

Понятіе о томъ, что посредствомъ чародѣйства можно было лишить здоровья и самой жизни, было распространено во всѣхъ классахъ общества, такъ, на примѣръ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Овручскій городскій судъ поступила жалоба дворянъ Домашевскихъ на дворянъ Ходаковскихъ о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, въ которой истцы, между прочимъ, говорили: „не удовлетворившись всѣмъ вышепоименованнымъ, Ходаковскіе съ обдуманымъ ранѣе намѣреніемъ приготовили составъ, съ цѣлью лишить истцовъ здоровья и *уморить* ихъ. Для этого они научились *докторству*, неприличному шляхетскому званію, и выжидали удобнаго времени; и дѣйствительно, въ прошломъ, 1686 году, 1-го февраля, увидѣвъ, что истецъ идетъ изъ своего дома въ гумно, приказали дочери своей, Еленѣ Ходаковской, приготовленнымъ на погибель истца составомъ облить путь около воротъ, по которому истецъ долженъ былъ проходить. Отъ дѣйствія этого яда собака, бѣжавшая впереди, опухла и околѣла“ *).

Въ 1716 году, въ магистратѣ города Выжвы (на Волыни) разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Ломазянки мѣщанами Супрунюками въ томъ, что она таинственнымъ образомъ причиняла смерть всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ съ нею тяжбу въ судѣ, и, въ томъ числѣ, посягала на жизнь

*) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, часть IV. т. I, стр. 232.

матери Супрунюка. Лука Супрунюкъ упрекалъ обвиняемую такъ: „Ты уже съѣла Токарика и Хильчука, а теперь принялась ѣсть мать нашу; погоди, чаровница, это даромъ не пройдетъ; хотя бы пришлось лишиться пары воловъ, мы вызовемъ палача, чтобы онъ тебя пыталъ“. — Сама Супруниха прибавила на очной ставкѣ: „дѣйствительно ты свела со свѣта Токарика и Хильчука, утверждаю по истинѣ, г.г. судьи, принимая на себя отвѣтственность за свои слова, что если она съ кѣмъ нибудь поссорится, то даромъ это не пройдетъ: и Токарикъ, и Хильчукъ лишь только завели съ ней тяжбу, немедленно померли, — въ подтвержденіе незачѣмъ свидѣтелей приводить, по истинѣ утверждаю — они умерли по ея винѣ“ (См. № 21).

Въ 1733 году, въ Овручскомъ градскомъ судѣ дворяне Ярмолинскіе обвинялись въ томъ, что они *похвалялись* публично, — посредствомъ колдовства умертвить дворянъ Верповскихъ и искоренить ихъ родъ (См. № 40).

Въ 1739 году, въ магистратѣ города Олыки разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки Райской въ томъ, что будто она чародѣйствомъ причинила смерть сыну мѣщанки Анны Шкопелихи (См. № 44) и т. п.

Еще болѣе встрѣчаемъ примѣровъ, относящихся къ посягательству не на самую жизнь, а только на здоровье пострадавшихъ лицъ. Вслѣдствіе обще-распространеннаго мнѣнія о томъ, что болѣзни могутъ быть насланы колдовствомъ, народонаселеніе склонно было искать причины каждой болѣзни не въ естественныхъ и гигиеническихъ условіяхъ, а въ таинственномъ вліяніи враговъ, или сосѣдей. Всякое дѣйствіе, сколько нибудь эксцентрическое и не ежечасно случавшееся, хотя бы самое невинное и совершенно случайное, принималось за пріемъ чародѣйства, направленный ко вреду здоровья заболѣвшаго лица, или почиталось угрозою кому-либо изъ свидѣтелей этого дѣйствія. Часто, пользуясь существованіемъ вѣрованія въ чародѣйство, стороны, состоявшія въ тяжбахъ, прибѣгали къ угрозамъ чародѣйствомъ, чтобы склонить своихъ противниковъ къ уступкамъ въ свою пользу.

Вотъ перечень фактовъ въ подтвержденіе сказанныхъ замѣчаній:

Въ 1700 году, въ Ковельскомъ магистратѣ разсматривалось дѣло по поводу жалобы мѣщанина Теодора Андріевича на еврея Авраама Иршовича и на еврейку Пейсю о томъ, что послѣдняя поймала кота истца, занесла его въ домъ Иршовича и тамъ оскопила. Андріевичъ полагалъ, что это дѣйствіе можетъ причинить болѣзнь ему и его семейству. Иршовичъ-же объяснялся, что оскотленіе кота произведено было „не на какія-либо чары и не со злобы къ христіанамъ, а исключительно на лѣкарство“. Ковельскій магистратъ, принявъ во вниманіе безупречное поведе-

ніе Иршовича, освободилъ его отъ отвѣтственности, подь условіемъ, что онъ, въ сопровожденіи двухъ другихъ осѣдлыхъ евреевъ, принесетъ въ синагогѣ слѣдующую присягу по еврейскому обычаю: „что онъ осконилъ кота не изъ злобы къ христіанамъ, но для облегченія собственной боли, что онъ отрѣзанныхъ частей не мочилъ ни въ медѣ, ни въ пивѣ, ни въ водкѣ, ни въ водѣ и не поручалъ этого дѣлать ни женѣ, ни домочадцамъ своимъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еврейка Пейся приговорена была къ эпитиміѣ: она должна была въ теченіи трехъ сабашевъ стоять въ притворѣ синагоги, отрѣзанныя же у кота части Иршовичъ долженъ былъ представить въ магистратъ *).

Въ 1701 году, Каменецкій мѣщанинъ, почтарь Судецъ, жаловался на Гречанку Антоніеву о томъ, что она желала причинить ему болѣзнь, посылая порогъ его дома какимъ-то порошкомъ. Магистратъ также освободилъ обвиняемую отъ отвѣтственности, приказавъ ей принять очистительную присягу (См. № 3).

Въ 1705 году въ Каменецкій магистратъ жаловалась мѣщанка Морская о томъ, что она находится въ опасности потерять здоровье отъ чародѣйства сосѣдки ея, Зелинской, что она видѣла Зелинскую ночью ходящею по двору обвиняющей, со свѣчкой, въ одной рубашкѣ, „босую и простоволосую“, что затѣмъ, въ слѣдующую субботу, она, Зелинская, въ костелѣ Доминиканцевъ сломала свѣчу и „обратила ее внизъ“. Зелинская пояснила, что она ходила ночью раздѣтая, отыскивая дочь свою, бѣжавшую изъ дому, что свѣчку она поставила какъ слѣдуетъ. Магистратъ не имѣлъ возможности дознаться, какъ была поставлена свѣча, но, на всякій случай, приговорилъ Зелинскую къ эпитиміи, состоящей въ томъ, что она должна была втеченіе двухъ обѣдней лежать „крижемъ“ въ томъ же костелѣ Доминиканцевъ. Между тѣмъ, узнавъ о ходѣ этого дѣла, Армянинъ Богданъ Лукашевичъ заявилъ магистрату, что онъ подозрѣваетъ, что свѣча была зажжена въ обратномъ положеніи во вредъ не Морской, а женѣ его, Лукашевича, которая въ этотъ именно день очень серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ этимъ Зелинская произносила таинственныя угрозы его женѣ (у Лукашевича была тяжба съ Зелинскою за домъ), слѣдующими словами: „не могла съ тобою сладить пани Шайновая, такъ я тебя

*) См. книгу Ковельскаго магистрата № 1451, листъ 233, и № 1452, листъ 18 на оборотѣ.

упрячу,—не будешь ты здоровая обитать въ этомъ домѣ“. Приговоръ магистрата по жалобѣ Лукашевича не сохранился въ книгахъ *).

Въ 1706 году Ковельскій мѣщанинъ Трофимъ Григорьевичъ жаловался на сосѣда своего, Михаила Максимовича, о томъ, что обвиняемый съ женою совершили „такое преступленіе, какого и высказать нельзя: очевидно посягая на здоровье истцевъ, они вылѣпили изъ тѣста что-то круглое, въ видѣ калача, и въ собственномъ саду истцевъ повѣсили на деревѣ“. Истецъ сильно встревожился и опрашивалъ черезъ сосѣдей жену Максимовича, что означаетъ это дѣйствіе. Максимовичева отвѣтила со злостію: „это вамъ не повредитъ“. По распоряженію магистрата, отправленъ былъ присяжный лавникъ освидѣтельствовать фактъ, и дѣйствительно нашелъ на вербѣ кругло-вылѣпленный калачъ изъ ржаного тѣста. Максимовичъ не явился въ судъ къ отвѣту и былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ штрафа и судебныхъ издержекъ **).

Въ 1710 году въ Каменецкій магистратъ жаловался мѣщанинъ Федоръ Яцевъ о томъ, что онъ, желая приготовить лѣкарство для больнаго ребенка, варилъ въ печи какое-то зелье, между тѣмъ, горшокъ съ лѣкарствомъ былъ похищенъ изъ печи его сосѣдомъ, Григоріемъ Бабищенкомъ, который вслѣдъ за тѣмъ распространилъ молву объ истцѣ, будто послѣдній занимается чародѣйствомъ (См. № 13).

Въ томъ же году и въ томъ же судѣ состоялся приговоръ, предписывавшій мѣщанкѣ Дабижихѣ принять очистительную присягу въ томъ, что составъ, который она варила ночью въ домѣ своемъ, былъ назначенъ для излѣченія ея ребенка, а не для чародѣйства ***).

Въ 1716 году въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло по поводу обвиненія мѣщанки Солтовской мѣщанкою Фурикевичевою въ томъ, что обвиняемая пыталась причинить вредъ здоровью обвинительницы, собирая на дворѣ послѣдней щепки и соръ. Обвинительница спаслась отъ послѣдствій чародѣйства только тѣмъ, что немедленно окропила дворъ святою водою (См. № 23).

Въ 1718 году въ магистратѣ города Выжвы разбиралось дѣло, возникшее по жалобѣ жены бурмистра Потаповича на мѣщанку Доминичеву. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: Потаповичева предложила обвиняемой удѣлить ей сыворотки и отправилась въ свою „комору“, чтобы отлить ея. Доминичева заглянула въ двери и утверждала, будто уви-

*) См. книгу Каменецъ-Подольскаго Магистрата, № 4440, листъ 68, 73 и 77.

**) См. книгу Ковельскаго Магистрата, № 1453, листъ 102 и 103.

***) См. книгу Каменецъ-Подольскаго Магистрата, № 4440, листъ 518.

дѣла, что Потаповичева, наливъ въ миску сыворотки, обмываетъ ею свои половыя части. Встревожившись, Доминичева убѣждала и стала рассказывать сосѣдкамъ о видѣнномъ. Одна изъ сосѣдокъ вспомнила при этомъ, что когда-то Потаповичева, въ разговорѣ съ нею, отрѣзала у нея кусокъ пояса, и что вслѣдъ за тѣмъ у ней пропало молоко въ груди. Въ городѣ установилось мнѣніе о томъ, что жена бурмистра—колдунья. Когда до послѣдней дошли подобные слухи, она объяснилась публично съ Доминичевою (при чемъ спорившія стороны нанесли другъ другу тяжкія оскорбленія) и затѣмъ пожаловалась въ магистратъ за клевету. Магистратъ приказалъ тяжущимся помириться и, подъ угрозой штрафа, запретилъ имъ заводить разговоры о данномъ случаѣ (См. № 28).

Въ 1729 году въ Кременецкомъ магистратѣ два брата: Степанъ и Юрко Охримчуки, спорившіе о наслѣдственномъ домѣ, обвинили взаимно своихъ женъ въ колдовствѣ и въ причиненіи другъ другу болѣзней посредствомъ обливанія. Магистратъ оставилъ это обвиненіе безъ послѣдствій (См. № 32).

Въ 1731 году, въ Кременцѣ-же мѣщанинъ Леончичъ обвинилъ сосѣдей своихъ Хилькевичевыхъ въ томъ, что они, желая причинить ему болѣзнь, приказали малолѣтней дочери своей бросать ссръ въ его усадьбу. Судъ нашелъ обвиненіе бездоказательнымъ, приказалъ тяжущимся помириться и „разгородить усадьбы ихъ плетнемъ“ (См. № 36).

Въ 1732 году Кременецкій мѣщанинъ Адамъ Еткевичъ жаловался на мачиху своей жены, Анастасію Зеленскую, на то, что она, имѣя тяжбу съ истцемъ за спорный грунтъ, похвалялась, что она недопуститъ истца и его жену до судебного разбирательства, лишивъ ихъ здоровья. Зеленская говорила слѣдующее, публично въ шинкѣ: „Когда Адамъ подалъ первый позовъ въ судъ—онъ заболѣлъ, другой позовъ подалъ—сломалъ руку, а когда я подамъ третій позовъ, то сломишь шею,—жену же его будетъ болѣзнь вертѣть и ломать по всему тѣлу“. Магистратъ отказался отъ разбирательства этого дѣла и препроводилъ его на судъ державцы (См. № 37).

Въ томъ же году, въ Дубенскомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ солдата Степана Гембажевскаго на его сосѣдку, мѣщанку Дембскую, что она причинила истцу семинедѣльную болѣзнь тѣмъ, что разложила на его заборѣ какое-то истолченное зелье. Обвиненная объясняла, что зелье это не имѣло значенія, приписываемаго истцемъ, что она только просушивала истолченную горчицу, приготовленную на лѣкарство больного ребенка. Магистратъ опредѣлилъ, чтобы Дембская при-

няла очн
номъ обв

Въ
щавки
что Куз
послѣдн
и тѣмъ
утвержд

Въ
копѣ Ое
между
ниху по
прибѣга
тельств
служивш

Въ
любѣ мѣ
томъ, ч
подъ е
для то
Омельч
лась пе
то ни б
будеть

Въ
жалобѣ
ченко о
и что Р
она при
скверно
извинит
ваннѣ в

Въ 1
по обвин
показані
постоянн
вичемъ

няла очистительную присягу, а Гембажевскій извинился въ неосновательномъ обвиненіи (См. № 38).

Въ 1733 году въ Каменецкій магистратъ поступила жалоба мѣщанки Екатерины Гломбовичевой на мѣщанку Елену Кузицкую о томъ, что Кузицкая имѣла въ виду выйти замужъ за Гломбовича. Когда же послѣдній женился на истицѣ, то Кузицкая проклинала его неоднократно и тѣмъ причинила ему смертельную болѣзнь; въ настоящее же время утверждаетъ, что ей извѣстно, будто Гломбовичъ скоро умретъ (См. № 41).

Въ 1746 году жаловался въ Кременецкій магистратъ дьячекъ Прокопъ Федоровичъ на тестя своего, священника Матвѣя Подчешинскаго, между прочимъ и о томъ, что тесть научилъ крестьянку Гапку Романуху подмѣшать ему въ борщъ какой-то вредный составъ и, кромѣ того, прибѣгалъ къ разнымъ другимъ подозрительнымъ средствамъ; въ доказательство обвиненія онъ представилъ въ судъ захваченные имъ предметы, служившіе для чародѣйства, а именно: гнѣздо и шкуру ужа (См. № 58).

Въ 1747 году состоялся приговоръ Овручскаго магистрата по жалобѣ мѣщанина Опанаса Мойсѣевича, обвинившаго мѣщанку Омельчиху въ томъ, что она, желая причинить ему вредъ, вылила какой-то составъ подъ его хлѣвъ. Обвиняемая объяснялась, что она вылила „щелокъ“ для того, чтобы тамъ не было грязи. Магистратъ опредѣлилъ, чтобы Омельчиха вмѣстѣ съ мужемъ приняла очистительную присягу и извинилась передъ истцемъ, „а впередъ, если она осмѣлится выливать что-то ни было, доброе или злое, въ чужую усадьбу, то безотлагательно будетъ наказана 50-ю ударами“ (См. №№ 62 и 63).

Въ 1750 году въ Кременецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ мѣщанина Грицька Марченка на брата его, Павла. Павелъ Марченко обвинилъ жену Грицька въ томъ, что она больна скверною болѣзнью и что распространяетъ эту болѣзнь, проливая на улицу ванны, которыя она принимаетъ. Жена Грицька Марченка доказала, что она больна не скверною болѣзнью, а „гостцемъ“. Судъ приказалъ Павлу Марченку извиниться за клевету, а женѣ Грицька предписалъ не выливать своихъ ваннъ въ такія мѣста, гдѣ могутъ проходить люди, или скотъ (См. № 68).

Въ 1767 и 1768 годахъ въ Дубенскомъ магистратѣ тянулось дѣло по обвиненію въ чародѣйствѣ мѣщанина Тимка Середы. Свидѣтельскія показанія, собранныя по этому дѣлу, указываютъ, что Середа занимался постоянно чародѣйствомъ; такъ, онъ былъ приглашенъ солдатомъ Лашкевичемъ приготовить такое средство, чтобы росли дѣти у Лашкевича.

Онъ сварилъ какіе-то два состава, указаль ихъ употребленіе и часть одного изъ нихъ унесъ съ собою для другой практики. Послѣ его ухода Лашкевичъ показаль оставленные составы какой-то бабѣ, которая признала одинъ изъ нихъ надлежащимъ, а о другомъ сказала, что его не годится и въ домѣ держать. Главное же обвиненіе противъ Середы состояло въ томъ, что онъ сообщилъ мѣщанкѣ Духинской какой-то составъ, которымъ она облила мельника Карпа, когда тотъ въ совершенно пьяномъ видѣ лежалъ безъ чувствъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели показали, что самъ Середа похвалялся, что онъ произвелъ болѣзнь Карпа. Онъ говорилъ многимъ свидѣтелямъ: „заработаль я въ этомъ дѣлѣ 8 злотыхъ..... Я, по просьбѣ Яцка Мельника, отнялъ ему ноги..... Бѣсъ его не возьметъ, а до пояса отниметъ у него движеніе, потому-что меня Яцко Мельникъ просилъ, чтобы онъ пересталь ходить..... Онъ, впрочемъ, ходить еще могъ-бы“.... и т. д. Приговоръ магистратскій въ актовомъ книгѣ не записанъ (См. №№ 69 и 70).

Значительное количество цитированныхъ актовъ свидѣтельствуетъ, что существовало въ населеніи убѣжденіе, что болѣзни могутъ быть причинены чародѣйствомъ; но, какъ уже было замѣчено, магистратскіе суды, члены которыхъ раздѣляли общія убѣжденія, тѣмъ не менѣе разсматривали жалобы на колдовство, какъ гражданскіе иски о вредѣ, не приписывая имъ религіознаго характера, и, поэтому, не относились къ такимъ дѣламъ фанатически. Въ рѣдкихъ только случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзью, настроеніе народонаселенія становилось тревожнымъ, и паническій страхъ побуждалъ прибѣгать къ круглымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ; примѣромъ этого могутъ служить слѣдующіе три процесса.

Въ 1720 году, въ южной Волыни распространилась моровая язва; въ г. Красиловѣ мѣщане совѣщались о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для предотвращенія бѣдствія. Всѣ были убѣждены, что зараза происходитъ отъ чьего-то навожденія. Общее вниманіе обратила на себя жившая въ городѣ старуха, Проська Каплушка. Подозрѣнія пали на нее потому, что она дожила до рѣдко достигаемаго возраста (ей было 120 лѣтъ). Въ видѣ предварительной мѣры, мѣщане, съ вѣдома управлявшаго Красиловымъ дворянина Стеткевича, заключили Каплушку подъ стражу, сами-же отравили депутацію, которой поручено было розыскать свѣдущаго знахаря и вывѣдать отъ него, на сколько ихъ подозрѣнія справедливы. Пока депутація розыскивала знахаря, старуха пять сутокъ си-

дѣла въ тюрьму
зятя и внука
на поруки.
Федоръ Мельникъ
и укрылся въ
возвратились
диль подозрѣ
громадою на
человѣкъ от
дено; его, в
пунктъ. Вот
слѣдствія хо
множество с
приготовленна
тивши Каплу
ее, дѣйствите
ей времени д
посадили ее в
но утоптали
Сверху наброс
Винникъ, об
требовать съ
конвоемъ пяти
въ свою мель
было привале

А вотъ с
большими под
моровая язва.
Гуменецъ пре
тѣмъ, въ сосѣд
пропали лошади
тенулся на кр
ный имъ челов
иное, какъ о
парубки броси
немъ одежду и
ковскій домой,
ли онъ? Освѣд

дѣла въ тюрьмѣ, гдѣ чуть не умерла отъ страха и лишеній. Дѣти ея, зятья и внуки обратились къ управляющему съ просьбой выпустить ее на поруки. Ходатайство ихъ было удовлетворено, и принявшій ее зять Ѳедоръ Мельникъ немедленно, со всѣмъ семействомъ, выѣхалъ изъ города и укрылся въ лугахъ, на берегу рѣки Случи. Но въ это именно время возвратились отправленные къ знахарю депутаты. Знахарь вполне подтвердилъ подозрѣнія мѣщанъ. Тогда жители Красилова собрались всею *тромадою* на перекресткѣ двухъ дорогъ за городомъ и отправили четырехъ человѣкъ отыскивать мнимую колдунью. Убѣжище Мельника было найдено; его, вмѣстѣ съ тещею, посадили на возъ и привезли на сборный пунктъ. Вотъ въ какихъ словахъ Ѳедоръ Мельникъ рассказывалъ впоследствии ходъ народной расправы: „мы застали у перекрестныхъ дорогъ множество собравшихся людей, ожидавшихъ нашего прихода, и много приготовленнаго хворосту. Немедленно принялись рыть яму. Затѣмъ, схвативши Каплунку, сняли ее съ воза и поволокли къ ямѣ, не спрашивая ее, дѣйствительно-ли зараза распространилась по ея винѣ, не оставляя ей времени для покаянія и не призвавъ священника для исповѣди. Они посадили ее въ яму по плечи, забросали землею, и землю кругомъ ея плотно утоптали бревнами, такъ-что изъ земли видна была голова и плечи. Сверху набросали хворосту и зажгли его. Въ это время десятникъ, Хвесько Винникъ, обратился къ зятю покойной и, угрожая ему палкою, сталъ требовать съ ругательствами выдачи камня изъ его мельницы. Подъ конвоемъ пяти отряженныхъ человѣкъ, Мельникъ долженъ былъ отправиться въ свою мельницу, изъ нея вынуть былъ жерновой камень, которымъ и было привалено то мѣсто, гдѣ сожгли покойницу“ (см. № 30).

А вотъ случай, совершенно аналогическій, рассказанный еще съ большими подробностями: Въ 1738 году въ Подоліи распространилась моровая язва. Желая предохранить свое село отъ заразы, жители села Гуменецъ предприняли ночью крестный ходъ по своимъ полямъ; между тѣмъ, въ сосѣднемъ селѣ, Пржевраты, у дворянина Михаила Матковскаго пропали лошади. Матковскій ночью-же отправился на поиски. Онъ наткнулся на крестный ходъ. Жители Гуменецъ сообразили, что неизвѣстный имъ человѣкъ, ходящій ночью по полямъ съ уздечкою, есть не что иное, какъ олицетвореніе моровой язвы; подозрѣвая, что онъ *упырь*, парубки бросились на Матковскаго, жестоко его избили, порвали на немъ одежду и полумертваго оставили на землѣ. Едва возвратился Матковскій домой, какъ изъ Гуменецъ прибѣжалъ посланный разузнать, живъ-ли онъ? Освѣдомившись о его возвратѣ, посланный побѣжалъ поспѣшно

назадъ. Затѣмъ, еще до восхода солнца, въ Пржевратѣе пришли всѣ жители Гуменнецъ, вооруженные ружьями, пиками, косами, цѣпами, и окружили домъ Матковскаго. Они послали депутацію къ владѣльцу имѣнія, Маковецкому, просить о выдачѣ имъ Матковскаго, какъ человѣка вреднаго для всей мѣстности. Маковецкій не далъ яснаго отвѣта. Прождавъ до полудня, Гуменницкая громада получила, какъ кажется, ложное извѣстіе отъ дворянина Бжозовскаго, будто владѣлецъ выдаетъ имъ Матковскаго. Немедленно двери были разбиты, и Матковскаго повели въ Гуменцы. Здѣсь, у дома дворянина Качковскаго, собрались всѣ жители села. Предварительно арестованному дали 50 ударовъ, допытываясь связи его съ моровою язвою. Несмотря на увѣреніе въ невинности, большинствомъ голосовъ рѣшили его сжечь. Нѣсколько лицъ заявило, впрочемъ, сомнѣніе о юридической правильности приговора. Нѣкто дворянинъ Выпршинскій протестовалъ, что дворянина нельзя жечь безъ приговора градскаго суда. Тогда большинство потребовало отъ него, чтобы онъ далъ запись о томъ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ бѣдствія, могущія возникнуть вслѣдствіе оставленія въ живыхъ Матковскаго. Отъ этого Выпршинскій уклонился, отговариваясь сначала отсутствіемъ чернильницы и, наконецъ, сказалъ: „некогда мнѣ писать — жгите“. Впрочемъ, громада пришла въ раздумье, боясь судебной отвѣтственности. Но тутъ нашлись лица, выведшія ее изъ сомнѣнія. Дворянинъ Скульскій прискакалъ верхомъ на сборный пунктъ и крикнулъ: „жгите скорѣе, я готовъ уплатить сто злотыхъ, если за это будетъ штрафъ“. Затѣмъ явился священникъ и, исповѣдавъ Матковскаго, объявилъ: „мое дѣло заботиться о душѣ, а о тѣлѣ ваше; жгите скорѣй.“ Въ толпѣ раздался крикъ: „нужно жечь!“ и Матковскаго передали въ руки экспертовъ. Таковыхъ явилось три: дворянинъ Лобуцкій вырѣзалъ поясъ изъ сыромятной кожи, окрутилъ имъ голову жертвы, заложивъ въ уши подъ повязку камушки, и, затѣмъ, вложивъ въ узелъ пояса палку, сталъ его сильно стягивать. Какой-то Войтѣхъ Дикій замазывалъ свѣжимъ навозомъ ротъ Матковскаго, а дьякъ, Андрей Софончукъ, намочивъ большую тряпку въ деготь, обвязалъ глаза Матковскаго. Послѣ этого устроили костеръ изъ сорока возовъ дровъ и двадцати возовъ соломы, втащили на него Матковскаго и сожгли. Наконецъ, послали въ домъ Матковскаго за его одеждою и ее также бросили въ огонь (см. № 55).

Такая-же участь постигла въ 1770 году какого-то захожаго изъ Турціи, Іосифа Маронита, въ м. Ярмолинцахъ, Подольской губерніи, во время чумы, свирѣпствовавшей въ томъ-же году. Подозрѣніе навлекъ на

*) См. Przewalski.
**) См. книга...
***) См. книга...

себя М
течені
живъ п
По
служит
симъ в
объ упо
полномт
димости
или лж
ствами.
цинской
состоит
ства и
Въ
удачном
Стеблево
лѣзнь же
на дѣлѣ
чайныя
38 злоте
лѣченіе
вѣдомым
Судъ впо
Въ
виненная
казаній.
Гржибовс
средство
ство она
шій въ сл
многія лѣт
лѣзу; чтоб
будутъ пер

себя Маронить тѣмъ, что былъ иностранецъ и занимался лѣченіемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, впрочемъ, весьма удачно. Его сожгли, погрузивъ предварительно въ бочку со смолой *).

По общераспространенному взгляду, таинственные силы природы могли служить какъ во вредъ здоровью, такъ и въ пользу; поэтому, мы относимъ къ этой-же группѣ документовъ и такіе, въ которыхъ говорится объ употребленіи знахарями медицинскихъ средствъ. Дѣйствительно, при полномъ почти отсутствіи въ краѣ медиковъ, народонаселеніе по необходимости должно было прибѣгать къ помощи лицъ, которыя добросовѣстно, или лживо утверждали, что обладаютъ таинственными цѣлебными средствами. Мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, относящихся къ медицинской практикѣ такихъ лицъ. Общая характеристика этой практики состоитъ въ томъ, что употребляются исключительно симпатическія средства и свѣдѣнія о нихъ сохраняются въ тайнѣ.

Въ 1699 году въ Ковельскомъ магистратѣ разбиралось дѣло о неудачномъ лѣченіи мѣщанкою Василевичевою дворянки Стеблевской. Мужъ Стеблевской жаловался, что Василевичева неправильно опредѣлила болѣзнь жены, назвавъ ее *дворскою хворобою* (сифились), между-тѣмъ, какъ на дѣлѣ оказался *гостецъ*; что употребляла для лѣченія какія-то *незвычайныя* лѣкарства и ухудшила состояніе больной, получивъ за лѣченіе 38 злотыхъ и *катонку*. Василевичева объяснила, что она принялась за лѣченіе по просьбѣ родственниковъ больной, лѣченіе вела правильно, вѣдомыми ей средствами и получила по уговору только 16 злотыхъ. Судъ вполнѣ ее оправдалъ **).

Въ 1705 году, въ Каменецкомъ магистратѣ, Гапка Мельничка, обвиненная въ колдовствѣ, была оправдана, на основаніи данныхъ ею показаній. Она созналась, что дѣйствительно посоветовала кухаркѣ войта Гржибовскаго зарыть подъ порогомъ желѣзо отъ стараго плуга, но что средство это было ею присоветовано въ пользу хозяевъ; въ доказательство она рассказала передъ судомъ употребленный ею заговоръ, состоявшій въ слѣдующихъ словахъ: „ чтобы Господь давалъ имъ здоровье на многія лѣта, чтобы ничто не вредило имъ, какъ не вредитъ этому желѣзу; чтобы здоровы были, какъ это желѣзо, люди, которые черезъ него будутъ переступать“ ***).

*) См. Przewdziecki, „Podole, Wolyn, Ukraina“, т. II, стр. 35.

**) См. книгу Ковельскаго магистрата, № 1451, листъ 233.

***) См. книгу Каменецъ-Подольскаго магистрата, № 4440, листъ 267.

Въ 1710 году, въ Ковельскомъ магистратѣ обвиненъ былъ мѣщанинъ Григорій Козловскій въ неудачномъ лѣченіи посредствомъ чародѣйскихъ пріемовъ. Изъ показаній многихъ свидѣтелей, судебного осмотра домовъ и показаній самого подсудимаго оказалось, что онъ обладалъ секретомъ, сообщеннымъ ему отцемъ, для лѣченія болѣзней, сопряженныхъ съ бессонницей. Козловскій пользовался обширною практикой, хотя, по большей части, неудачно. Употреблялъ онъ постоянно одни и тѣже пріемы, состоявшіе въ слѣдующемъ довольно сложномъ процессѣ. Онъ толочъ вмѣстѣ: полыннй корень, какую-то траву, названіе которой не сказалъ, вѣроятно наркотическую, и стружки изъ золотого червонца. Составомъ этимъ онъ подкуривалъ больнаго, смазывалъ имъ веревки, которыми обвязывалъ большие члены. Затѣмъ обрѣзывалъ у больнаго ногти и четыре пряди волосъ и все это забивалъ осиновымъ колышкомъ въ дыру, которую высверливалъ въ вершинѣ дверныхъ лутокъ. Магистратъ, обративъ вниманіе на частые примѣры бесполезности этого средства, воспретилъ обвиняемому употреблять его, подъ угрозою штрафа въ 100 гривенъ, и, сверхъ того, приговорилъ его къ отдачѣ какъ въ костелъ, такъ и въ церковь довольно значительнаго количества воска и къ эпитиміи (лежанію крижемъ) въ теченіи трехъ обѣдней въ костелѣ и трехъ обѣдней въ церкви *).

Въ 1718 году въ Каменцѣ арестована была Еврейка Хайка Шмулиха въ то время, когда зарывала въ навозъ горшокъ съ какимъ-то составомъ. При разслѣдованіи оказалось, что она это сдѣлала по порученію другой еврейки, Іосевой, дочь которой была больна. Приглашенная Іосевою, заходяя знахарка приказала сварить множество съѣстныхъ припасовъ и, удаливъ свидѣтелей, что-то производила съ ними, а затѣмъ приказала закрытый горшокъ спрятать въ такое мѣсто, гдѣ люди не ходятъ. Дѣло это судомъ было оставлено безъ послѣдствій (см. № 27).

Изъ показаній по постороннему дѣлу, разбиравшемуся въ 1720 году въ Дубнѣ, мы видимъ, что знахарки считали весьма полезнымъ, при ненормальномъ теченіи беременности, опрокинуть больную вверхъ ногами и встряхивать её, пока она не почувствуетъ движенія ребенка (см. № 31).

Въ 1729 году Каменецимъ магистратомъ приговорена была къ 100 ударамъ канчуками крестьянка Хвеська Чумачиха за то, что, по совѣту неизвѣстной женщины, она употребляла подозрительное средство для излѣченія своего мужа отъ *инильца* и *болячекъ*. Средство состояло въ

*) См. Книгу Ковельскаго магистрата, № 1753, л. 234—236.

томъ, что
говаривая
зависѣло
вреде, чѣ

Въ 1
между мѣ
щему пов
товавшихъ
Совершив
и постав
усадьбѣ
и сталъ
выслушав
вичи извѣ
шептаниа
должны у
въ костел
№ 59

Въ 1
Гурникъ
относитель
мая пока
выучилася
что она
радку и
годной н
торыми м
какое-бы

Въ 1
Михайлю
ства для
жемъ. Ха
эту женщи
знаки мни
хайлюкъ,
ленному с
1½ года;
нихъ, что

томъ, что она обмакивала ножъ въ пиво и капала имъ по лѣстницѣ, приговаривая таинственныя слова. Вѣроятно строгое опредѣленіе магистрата зависѣло отъ убѣжденія судей, что средство это клонилось болѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ мужа (см. № 33).

Въ 1746 году, въ магистратѣ города Олыки разсматривалось дѣло между мѣщанами Андріевичемъ и Остаповичемъ, возникшее по слѣдующему поводу: дитя Андріевича заболѣло отъ испуга; жена его, посовѣтовавшись со свѣдущими людьми, рѣшилась *вылить перелякъ* (испугъ). Совершивъ условленный пріемъ обливанія больнаго, она вынесла воду и поставила на углу своего дома, а за тѣмъ вылила ее на собаку въ усадьбѣ Остаповича. Послѣдній счелъ это дѣйствіе вреднымъ для себя и сталъ упрекать Андріевичеву въ чародѣйствѣ и *вовкулацтвѣ*. Судъ, выслушавъ показанія сторонъ и свидѣтелей, опредѣлилъ, чтобы Андріевичи извинились передъ Остаповичемъ, а такъ-какъ они прибѣгали къ шептаніямъ и вѣрятъ въ предрасудки, что грѣшно передъ Богомъ, то должны уплатить штрафъ въ пользу магистрата и дать два фунта воска въ костель и по одному фунту въ каждую изъ Ковельскихъ церквей (см. №№ 59 и 60).

Въ 1747 году въ Дубенскій магистратъ прислана была изъ села Гурникъ крестьянка Анастасія Иваниха, для выштанія у нея показаній относительно чародѣйства, въ которомъ она была заподозрѣна. Подсудимая показала, что она дѣйствительно занимается лѣченіемъ, которому выучилась у своей свекрови, превосходно знавшей свойства всѣхъ травъ; что она можетъ лѣчить головную боль, гостецъ, чахотку, колики, лихорадку и нѣкоторыя другія болѣзни, но не знаетъ никакой травы, пригодной на дурныя дѣла или чародѣйство. Она не знаетъ средствъ, которыми можно было-бы повредить, причинить смерть, или вообще нанести какое-бы то ни было зло (см. № 61).

Въ 1741 году, въ Дубенскій магистратъ жаловался мѣщанинъ Иванъ Михайлюкъ на солтыса Демка Халичука за употребленіе вреднаго средства для прекращенія бездѣтности жены истца, 30 лѣтъ бывшей замужемъ. Халичукъ, „учинившись ворожбитомъ“, т. е. докторомъ, уговорилъ эту женщину принять какое-то средство, послѣ котораго явились признаки мнимой беременности, чѣмъ обвиненный сильно хвастался. Михайлюкъ, по просьбѣ жены, приготовился къ крестинамъ къ опредѣленному сроку, но родовъ не послѣдовало. Беременность продолжалась 1½ года; тогда мужъ обратился къ свѣдущимъ бабкамъ и, узнавъ отъ нихъ, что беременность мнимая, отправилъ жену въ Острогъ къ доктору.

Несмотря на это, жена его умерла. Тогда онъ позвалъ къ суду ворожбита, требуя возврата издержекъ, затраченныхъ на лѣченіе жены, простиравшихся, по его словамъ, до крупной суммы 500 злотыхъ. Но Халичукъ, не дожидаясь судебного разбирательства, бѣжалъ изъ города. Привлеченная вмѣсто него жена объявила, что она не знаетъ, куда скрылся мужъ, что не въ состояніи пополнить претензіи истца, и обратилась къ послѣднему съ просьбою, чтобы онъ оказалъ ей милосердіе и не доводилъ до нищеты ея дѣтей. На это Михайлюкъ отвѣчалъ: „по истинѣ, у меня убытковъ на 300 злотыхъ, но, не желая тебя обижать, я требую только 100 злотыхъ, которые обязываюсь отдать въ церковь на молитвы, какъ за душу покойницы жены, такъ и за душу твою и твоего мужа; затѣмъ, выдамъ тебѣ квитанцію въ полномъ удовлетвореніи, чтобы мужъ твой могъ возвратиться и заняться воспитаніемъ дѣтей.“ Отвѣтчица согласилась на это требованіе, которое и было утверждено судомъ (см. № 46).

Кромѣ вліянія таинственныхъ средствъ на здоровье, общественное мнѣніе приписывало имъ могущественную силу относительно вліянія на сердечныя влеченія. Снискать любовь, или уничтожить ее можно было, какъ полагали, посредствомъ секретныхъ пріемовъ, извѣстныхъ знахарямъ и чародѣямъ. Факты такого рода рѣдко подавали поводъ къ искамъ, тѣмъ не менѣе, въ числѣ пересмотрѣнныхъ нами актовъ оказалось нѣсколько процессовъ подобнаго рода. Такъ, напримѣръ, въ 1702 году въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло между мѣщанами Хржановскими и Бахчинскою, возникшее по слѣдующему поводу: обѣ стороны заискивали выгоднаго жениха для своихъ дочерей, именно мѣщанина Бернадцаго. Онъ женился на дочери Бахчинской, съ дочерью-же Хржановскихъ съ горя случилась болѣзнь, похожая на умопомѣшательство. Тогда Хржановскіе приписали болѣзнь дочери чародѣйству Бахчинской и, въ свою очередь, принялись чаровать ея зятя. Они похвалялись передъ знакомыми, что могутъ поручиться, будто новобрачные не проживутъ вмѣстѣ долѣе 3 недѣль, и за тѣмъ пытались подсылать Бернадцкому какіе-то чародѣйственные пироги, которые, впрочемъ, не дошли по назначенію (см. № 4).

Въ 1713 году, въ томъ-же магистратѣ разбиралось дѣло между солдатомъ Матвѣемъ Рыковскимъ и мѣщанкою Мариною Дубеняцкою. Жена Рыковского ревновала своего мужа къ Дубеняцкой и, подозрѣвая послѣднюю, будто она приворожила къ себѣ ея мужа, заставила послѣдняго пожаловаться въ магистратъ. Судъ нашелъ обвиненіе бездоказательнымъ, приказавъ Дубеняцкой принять очистительную присягу, и въ

рѣшеніи
чародѣ
тѣлесн
города
(см.
“Въ
была
локъ.
кій зу
при до
товича
нибудъ
желая
извѣст
прави
ствія п
пыткѣ,
(см. №
Въ
между
Новосел
скаго ж
любовну
восельсв
кими-то,
ряетъ
шли до
скому. С
счетъ п
уплатѣ
Въ
занія съ
ков Руж
въ этой
уклонител
послѣдн
этою цѣль
гала къ ча

рѣшеніи своемъ опредѣлилъ, что если впредь она будетъ замѣчена въ чародѣйствѣ, или въ любовной связи съ Рыковскимъ, то подвергнется тѣлесному наказанію у позорнаго столба и будетъ изгнана палачемъ изъ города. (Наказаніе это обыкновенно полагалось за развратную жизнь) (см. № 16).

Въ 1716 году въ Каменцѣ, въ домѣ Армянскаго войта, арестована была нищая Марина, при которой нашли какой-то подозрительный узелокъ. Въ немъ были завязаны: горсть пыли, куски костей и человѣческой зубъ, неизвѣстно почему признанный за зубъ мертвеца. Подсудимая при допросѣ показала, что она ночевала въ домѣ мѣщанина Павла Святovichа, гдѣ дѣвушка обратилась къ ней съ просьбою, употребить какое-нибудь таинственное средство для того, чтобы она вышла замужъ. Нищая, желая получить вознагражденіе, похвалилась, что ей такое средство извѣстно и, затѣмъ, завязавъ въ платокъ вышеуказанные предметы, отправилась въ домъ Армянскаго войта. Судъ магистратскій нашелъ дѣйствія подсудимой весьма подозрительными и постановилъ подвергнуть ее пыткамъ, для разузнанія дѣйствительнаго значенія найденныхъ предметовъ (см. № 22).

Въ 1731 году въ Барскомъ замкѣ разсматривалось дѣло, возникшее между дворянами Гольчинскимъ и Новосельскимъ по слѣдующему поводу. Новосельскій похвалялся передъ сосѣдями, что, если-бы жена Гольчинскаго жила въ одномъ селѣ съ нимъ, то онъ навѣрно имѣлъ-бы съ нею любовную связь, а мужъ ничего-бы не зналъ объ этомъ, потому-что Новосельскій напоилъ-бы его отваромъ *чемерицы* (*veratrum nigrum*) съ какими-то, ему извѣстными, приправами. Выпивъ этотъ составъ, мужъ теряетъ возможность слѣдить за поведеніемъ жены. Когда слова эти дошли до Гольчинскаго, онъ при встрѣчѣ нанесъ саблею раны Новосельскому. Судъ замковый приговорилъ Гольчинскаго къ излѣченію на свой счетъ противника, а Новосельскаго, за непристойную похвальбу, къ уплатѣ 15 гривенъ штрафа въ пользу замка (см. № 35).

Въ 1749 году, въ Каменецкомъ городскомъ судѣ сняты были показанія съ парубка Андрея, обвиненнаго въ незаконной связи съ дворянкою Ружковскою. Обвиненный показалъ, что онъ дѣйствительно состоялъ въ этой связи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но постоянно пытался уклониться отъ нея, и разъ десять убѣгалъ изъ дома Ружковской; но послѣдняя различными способами заставляла его возвращаться назадъ. Съ этою цѣлью она, между прочимъ, послѣ cadaго побѣга Андрея, прибѣгала къ чародѣйству; послѣднее исполняла, по порученію Ружковской,

приближенна къ ней женщина, мамка Евдоха. Приемы ея состояли въ слѣдующемъ: она потрясала плетнемъ, затѣмъ сыпала горячіе уголья и совершенно нагая бѣгала кругомъ дома; послѣ этого пересыпала уголья на собственную рубашку и прикрывала ихъ горшкомъ. Если рубаха не загоралась, то это было предзнаменованіемъ возврата Андрея въ домъ. Послѣдній, во время одной изъ своихъ отлучекъ, заплатился тяжелою болѣзнію за нежеланіе возвращаться въ домъ Ружковской (см. № 66).

Въ 1746 году въ Кременецкомъ магистратѣ разсматривалось дѣло между мѣщаниномъ Зиневичемъ и его женою, и тестемъ, Саввою Нестеренкомъ. Изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что дочь Нестеренка была матерью насильно выдана замужъ за Зиневича 10 лѣтъ отъ роду. Выросши, она желала разстаться съ мужемъ и, съ этою цѣлью, прибѣгла къ чародѣйству. Муж жаловался, что она насыпаетъ ему въ сапоги какія-то *любоши*. Обвиненная не отрицала факта, объясняя, что это былъ порошокъ безвредный, долженствовавшій только вселить мужу отвращеніе къ ней. Магистратъ нашель, что дѣло исполнено соблазна, отказался отъ постановленія рѣшенія и предписалъ сторонамъ хлопотать о разводѣ въ консисторскомъ судѣ (см. № 56).

Такое - же полезное, или вредное вліяніе чародѣйству приписывалось и на состояніе хозяйства и благосостоянія. Вслѣдствіе распространеннаго предрасудка, всякая неудача въ хозяйствѣ, неурожай хлѣба, продолжительная засуха, падежъ скота и т. п. приписывались таинственнымъ средствамъ, употребленнымъ съ злобною цѣлью врагами. Вотъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ о распространенности этого предрасудка.

Въ 1743 году, въ магистратѣ города Олыки разсматривалось дѣло по жалобѣ мѣщанина Еремѣя Максимовича на президента города, Петра Шепельскаго. Обстоятельства дѣла состояли въ слѣдующемъ: Максимовичъ былъ прежде подмастерьемъ у Шепельскаго, но затѣмъ, сдѣлавшись мастеромъ, онъ женился и обзавелся собственнымъ хозяйствомъ. Вѣроятно, отъ конкуренціи по ремеслу, между нимъ и бывшимъ его хозяиномъ развились мало-по-малу враждебныя отношенія; Шепельскій перебивалъ работниковъ у Максимовича, наносилъ побои его слугамъ и подмастерьямъ и даже стрѣлялъ по нимъ. Максимовичъ также принималъ въ свой домъ слугъ и работниковъ, прогнанныхъ Шепельскимъ. Между прочимъ, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе служанку Агришину, подвергавшуюся наказанію и тюремному заключенію по настоянію Шепельскаго. Съ этого времени Максимовичъ сталъ замѣчать постоянныя попытки къ тому, чтобы околдовать,

какъ онъ полагалъ, его домъ. Подъ окна и на дворъ усадьбы кто-то подбрасывалъ подозрительные предметы: потухшія лампы, зелье, куски вываливагося изъ печи камня, рогъ, наполненный углемъ и шерстью, и т. п. Максимовичъ ожидалъ съ каждымъ часомъ невиданнаго бѣдствія въ семьѣ, или хозяйствѣ; новая-же служанка поддерживала это тревожное состояніе. Наконецъ, онъ рѣшился устроить вмѣстѣ съ женою ночную засаду. Дѣйствительно, жена его поймала какую-то женщину, проходившую по улицѣ мимо дома. Пойманную втащили въ комнату,—это была слуга Шепельскаго, посланная хозяиномъ розыскивать бѣжавшаго мальчика; пока ее допрашивали и обыскивали, Шепельскіе узнали о задержаніи своей слуги. Они вооружили свою челядь, ворвались въ домъ Максимовича, избили и поранили хозяина и его домочадцевъ и отняли задержанную служанку. Максимовичъ жаловался въ магистратскій судъ за нападеніе ночью съ оружіемъ на его домъ, за чтò, по Магдебургскому праву, полагалась смертная казнь, и за продолжительное употребленіе колдовства во вредъ его дома. Магистратъ раздѣлилъ оба дѣла и, признавъ себя компетентнымъ въ разбирательствѣ уголовнаго дѣла, оставилъ обсужденіе вопроса о чародѣйствѣ депутатамъ духовнаго суда, вызваннымъ по этому случаю изъ Олыкескаго капитула. Послѣдніе выслушали многихъ свидѣтелей и рассмотрѣли всѣ доказательства, подвергая каждое обстоятельство тщательному обсужденію. Противъ Шепельскихъ были слѣдующія показанія: служившая у нихъ Агриппина показала, что, въ ея присутствіи, Шепельская варила какія-то травы и призывала старуху нашептывать таинственные слова надъ отваромъ; что другими травами она окуривала свой домъ; что, наконецъ, самой Агриппинѣ поручала выливать какой-то составъ на перекрестныхъ дорогахъ за городскими воротами. Судьи подвергли свидѣтельницу двойному допросу, она сбилась въ показаніяхъ и наконецъ созналась, что все сказанное ею было выдуманно изъ мести за оскорбленіе, которое она испытала отъ Шепельскихъ. Судъ отстранилъ ея показанія. Затѣмъ, рассмотрѣвъ вещи, брошенныя одновременно въ усадьбу Максимовича, судьи хотя и признали, что онѣ были подкинуты съ злымъ умысломъ, но не нашли основанія приписать этотъ поступокъ Шепельскому. Наконецъ, по настоянію Максимовича, произведенъ былъ обыскъ въ домѣ Шепельскихъ и на шеѣ у самой Шепельской найденъ былъ мѣшечекъ, въ которомъ заключалась сухая трава и какое-то вещество, похожее на кусокъ изсохшей земли. Шепельская показала, что трава эта привезена была ея мужемъ изъ города Жолкви, гдѣ онъ получилъ ее, въ качествѣ святости, въ тамошнемъ Базильянскомъ монастырѣ, изъ гроба св. Іоанна Сочавскаго; что она,

будучи беременною, носила эту траву на шею, для предотвращения выкидыша. Судьи рассмотрѣли эти травы и нашли, что это была трава „материнка“ (serpillum); находившійся-же въ срединѣ ихъ комокъ признанъ былъ случайно попавшею частицею почвы. На основаніи этого изслѣдованія, духовные судьи признали обвиненіе въ чародѣйствѣ неосновательнымъ и возникшимъ исключительно изъ „бабьихъ сплетень и выдумокъ.“ Для очищенія-же Шепельскихъ отъ всякаго подозрѣнія и дурной молвы, предписано имъ было принять очистительную присягу съ пятью почетными свидѣтелями (см. №№ 51, 52, 53 и 54).

Въ 1714 году въ Летичевскомъ магистратѣ получено было письмо отъ мельника Ивана Боровскаго, съ порученіемъ прочитатъ это письмо въ полномъ присутствіи магистрата. Боровскій требовалъ должной ему отъ города суммы, угрожая, въ случаѣ если его не удовлетворятъ, прибѣгнуть къ таинственнымъ средствамъ, ему одному вѣдомымъ; онъ утверждалъ, что въ его власти уничтожить городскія плотины и мельницы; сверхъ того, похвалялся, что мѣщане Летичевскіе должны молить Господа за него и приносить вклады въ церковь за то, что Боровскій, находясь въ городской мельницѣ, не прикоснулся рукою къ жернову, отчего могли-бы выйти весьма дурныя послѣдствія для города. Магистратъ до того былъ встревоженъ этимъ письмомъ, что немедленно явилъ это посланіе въ гродскія книги (см. № 17).

Въ случаѣ продолжительной засухи, общественное мнѣніе приписывало это бѣдствіе злему умыслу женщинъ, занимающихся чародѣйствомъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ разыскивали виновныхъ посредствомъ такъ называемаго *плаванія вѣдьмы*. Какъ самъ предразсудокъ, такъ и способъ разысканія виновныхъ были происхожденія не мѣстнаго: въ современныхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ процессахъ мы находимъ тоже вѣрованіе, съ тѣмъ-же ритуаломъ разслѣдованія, совпадающимъ съ нашими процессами въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ подтвержденіе заимствованія этого обычая съ Запада, мы укажемъ на то обстоятельство, что въ обоихъ встрѣтившихся процессахъ инициатива плаванія принадлежитъ лицамъ дворянскаго сословія.

Такъ, въ книгѣ Дубенскаго магистрата, подъ 1711 годомъ, мы находимъ замѣтку о томъ, что управляющій этимъ имѣніемъ, дворянинъ Федоръ Ковнацкій, ссылаясь на старые обычаи, потребовалъ отъ магистрата, чтобы онъ подвергъ испытанію водою мѣщанокъ, заподозрѣнныхъ Ковнацкимъ въ причиненіи засухи. Десять указанныхъ имъ женщинъ были арестованы, такъ какъ онѣ не тонули во время плаванія, маги-

стратъ,
просьбъ
Гораз
гродской
этомъ го
дворяне:
о томъ,
ковскій в
чаровниц
камъ нос
крестъ, с
какъ все
было отв
одна изъ
долженъ
отъ уплат
роны Явор
Яворская
Збруча ну
и приглас
Дружковск
образомъ,
лецъ право
дѣлалось в
веревка, и
мать вверх
ною *).
Впрочемъ
вредить хлѣ
ный вредъ
замѣтки (к
мѣръ, въ 17
Анастасія М
ниномъ Илье
ствомъ я дѣ
кона Мошков

*) См. кни
листъ 3.

стратъ, однако, освободилъ впоследствии арестованныхъ на поруки, по просьбѣ ихъ мужей (см. № 15).

Гораздо подробнѣе рассказано дѣло о плаваніи вѣдьмы въ книгѣ гродской Каменецкой подъ 1709 годомъ. Во время засухи, бывшей въ этомъ году въ Подоліи, владѣльцы мелкопомѣстнаго села Подфилипья, дворяне: Дружковскіе, Нагурскіе, Локучевскіе и Руцинскіе совѣщались о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для прекращенія бѣдствія. Дружковскій настаивалъ на томъ, что засуха произведена по злему умыслу чаровницъ. Въ видѣ перваго испытанія, приказано было всѣмъ крестьянкамъ носить ведрами воду изъ рѣки Збруча черезъ поля и поливать ею крестъ, стоявшій у дороги на значительномъ разстояніи отъ рѣки. Такъ какъ всѣ крестьянки исполнили приказаніе, то подозрѣніе отъ нихъ было отклонено. Для совѣщавшихся стало ясно, что удерживаетъ дождь одна изъ дворянокъ. Сосѣдкѣ своей, дворянкѣ Яворской, Дружковскій долженъ былъ значительную сумму денегъ; уже два года уклонялся онъ отъ уплаты ей долга и подвергался сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны Яворской. Теперь онъ убѣдилъ остальныхъ сосѣдей, что именно Яворская произвела засуху. Съ общаго совѣта устроили на берегу Збруча нужныя приспособленія, созвали въ это мѣсто всѣхъ жителей села и пригласили Яворскую; когда она явилась, то крестьяне, по приказанію Дружковскаго, бросились на нее, раздѣли до ната, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги и тоже дѣлалось на-крестъ). Затѣмъ, между связанными членами продѣта была веревка, и Яворскую принялись на блокахъ опускать въ рѣку и подымать вверхъ. Такъ какъ при этомъ она тонула, то признана была невиною *).

Впрочемъ, удержаніе дождя не было единственнымъ средствомъ повредить хлѣбнымъ посѣвамъ, посредствомъ чародѣйства. Не менѣе важный вредъ хлѣбу, по общему предразсудку, причиняли такъ называемые *завитки* (клочекъ ржи среди нивы, скрученный въ узелъ). Такъ, напри- мѣръ, въ 1723 году въ селѣ Мошкахъ, около Овруча, дворянки Люба и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были своимъ односельцемъ, дворяниномъ Ильею Духовскимъ, въ томъ, что онѣ занимаются чародѣйствомъ и дѣлаютъ завитки. Когда же завитка оказалась на нивѣ Никона Мошковскаго, то Духовскій взялся створожить ее и, съ этою цѣ-

*) См. книга гродская Каменецъ - Подольская, № 4021, листъ 311, и № 4022, листъ 3.

лю, встрѣтивъ Любу Мошковскую, ударилъ ее въ грудь на-отмашь такъ сильно, что опрокинулъ ее ударомъ на землю *).

Въ 1718 году въ Овручскій же гродскій судъ жаловались дворяне Невмержицкіе на своихъ сосѣдей, дворянъ Верновскихъ и Ярмолинскихъ, за то, что отвѣтчики „очаровали и завили яровую пшеницу истцевъ“ **).

Кромѣ хлѣба, вредъ чародѣйствомъ можно было принести и всѣмъ другимъ отраслямъ хозяйства. Такъ, напримѣръ, подъ 1710 годомъ въ магистратскихъ книгахъ города Выжвы записано дѣло, возникшее по обвиненію мѣщаниномъ Данилою Олефировичемъ жены мѣщанина Никиты Веремейчика, будто бы она владѣетъ секретомъ задерживать ростъ огородныхъ овощей; такъ, Олефировичъ приписывалъ неурожай капусты на своемъ огородѣ тому обстоятельству, что мимо этого огорода часто проходила обвиняемая. Судъ призналъ обвиненіе несправедливымъ и приказалъ Олефировичу извиниться (См. № 10).

Въ 1700 году въ гродскій Луцкій судъ поступила жалоба отъ дворянъ Порванецкихъ и другихъ лицъ на дворянъ Березницкихъ и родственникововъ ихъ за многія обиды и оскорбленія; между прочимъ Порванецкіе жаловались, что Березницкіе очаровали стадо ихъ овецъ, привязывая конскія кости къ шеямъ животныхъ. Неудовлетворившись этимъ, Березницкіе научили крѣпостную свою женщину Хведонику, подозрѣваемую односельцами въ чародѣйствѣ, чтобы она причинила вредъ истцамъ. Хведоника публично похвалялась, что причинить уронъ Порванецкимъ, стала околдовывать ихъ какими-то узелками, обливала водою дорогу въ ихъ имѣніи и безъ спросу ходила въ ихъ пасѣку. Истцы замѣтили, что съ этого времени стали околѣвать у нихъ лошади, скотъ и другія животныя, и пасѣка перестала приносить доходъ. Изъ нея они не получали ни роевъ, ни меду (См. № 2).

Въ 1711 году въ Каменецкій гродскій судъ жаловались дворяне Стеблевскіе на крестьянина Ивана Короваша о томъ, что, вслѣдствіе какихъ-то произнесенныхъ имъ заклинаній, лошадь истцевъ околѣла ***).

Въ 1708 году въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло, по поводу обвиненія мѣщанина Александра Божкевича мѣщаниномъ Стефаномъ Жульниченкомъ, будто обвиняемый имѣетъ таинственное средство, которымъ портитъ кожи. Молва эта о Божкевичѣ распространилась не только въ Каменцѣ, но и въ сосѣднемъ городѣ Жванцѣ. Судъ ма-

*) См. книгу Овручскую гродскую, № 3227, листъ 556.

***) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, часть 4-я, т. I, стран. 388.

****) Книга гродская Каменецкая, № 4022, листъ 300.

магистратскій нашелъ обвиненіе неосновательнымъ, приговорилъ Жульниченка къ уплатѣ штрафа и къ тюремному заключенію за клевету, приказалъ ему публично извиниться и запретилъ всѣмъ вообще жителямъ города повторять слухи о чародѣйствѣ Божкевича, подъ опасеніемъ штрафа и тюремнаго заключенія *).

Теперь приведемъ нѣсколько фактовъ объ употребленіи чародѣйственныхъ средствъ на пользу хозяйства. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ свидѣтельства, касающіяся употребленія колдовства ремесленниками, для расширенія своихъ доходовъ и пріобрѣтенія заказовъ. Такъ, въ 1704 году въ Каменцѣ возникла тяжба между мастеромъ ткачемъ Иваномъ Затвардзяловичемъ и его подмастерьемъ Василиемъ Фіалковскимъ, по поводу неаккуратности въ расчетѣ. Во время судебныхъ преній подмастерье сталъ уличать своего хозяина въ употребленіи чародѣйства для расширенія практики. Мастеръ, въ свою очередь, обвинилъ Фіалковскаго въ томъ, что онъ ему подавалъ совѣты и доставлялъ средства для колдовства. Изъ показаній свидѣтелей выяснились обстоятельства даннаго дѣла, при чемъ оказалось, что почти всѣ мастера прибѣгали къ таинственнымъ средствамъ для усиленія своего заработка. Средства были весьма разнообразны. Между ними самое важное мѣсто занималъ отрѣзокъ отъ веревки, которая служила для звона въ колокола на колокольняхъ. Бывши еще въ обученіи ткацкому ремеслу, Фіалковскій замѣтилъ, что его хозяйка, добывъ такой отрѣзокъ, окуривала имъ станокъ съ какимъ-то шептаньемъ. Во время отсутствія работы у новаго хозяина, онъ совѣтовалъ ему это средство и, по его просьбѣ, отрѣзалъ кусокъ веревки на колокольнѣ. Но словъ для нашептыванія онъ не зналъ, и потому средство это было признано недостаточнымъ. Затвардзяловичъ употребилъ другое, состоявшее въ томъ, что онъ принесъ изъ церкви антидоръ, намочилъ его въ святой водѣ и окропилъ ею станокъ. Когда, не смотря на это, заказовъ не поступало, онъ побивалъ въ щели станка пряди той же веревки, которая служила для окуриванія, и, наконецъ, призвалъ въ помощь славившуюся своимъ знаніемъ старуху Микитиху. Последняя снабдила его какимъ-то чернымъ порошкомъ и посоветовала насыпать его въ голенище, причемъ приговаривала: „нехай-ся до васъ всё добре привертае“. Увѣренный въ дѣйствительности этого средства, мастеръ похвалился товарищамъ своимъ. Одинъ изъ нихъ, Телицкій, медленно побѣждалъ къ Микитихѣ просить такого средства; другой, Желиховскій, сказалъ, что онъ въ немъ не нуждается, потому что онъ уже

*) Книга Каменецкаго магистрата, № 4440, листъ 450 и 451.

имѣть средство, посовѣтованное болѣе искусною, чѣмъ Микитиха, старухою. Микитиха на судѣ объявила, что она, дѣйствительно, даетъ мастерамъ извѣстный ей порошокъ, что отъ употребленія его усиливается количество заказовъ, но вреда никакого произойти не можетъ. Судъ призналъ большинство обвиненій незаслуживающими вниманія, но, основываясь на сознаніи мастеровъ, въ наказаніе за то, что они прибѣгали къ „бабскимъ колдовствамъ“ и занимались продрасудками, постановилъ: Затвардзяловича отрѣшить отъ должности цехмистра до слѣдующихъ выборовъ; Телицкому и Желиховскому занимать на цеховыхъ сходкахъ послѣднія мѣста и исполнять цеховыя порученія также до слѣдующихъ выборовъ. Всѣ три должны, сверхъ того, смотря по вѣроисповѣданію, пожертвовать въ костелъ, или церковь извѣстное количество воска (См. №№ 5, 6 и 7).

Въ 1707 году въ Каменецкій же магистратъ была принесена жалоба братчиками церкви св. Николая на вдову Гапку изъ Острога о томъ, что она, заказавъ въ церкви обѣдню, во время ея приказала своему сыну отрѣзать на колокольнѣ нѣсколько кусковъ веревки. Мальчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія ученикомъ братской школы, и братство потребовало разъясненія дѣла (См. № 8).

Въ 1717 году въ Каменцѣ возникла тяжба между двумя шинкарями: Маньковскимъ и Колецкимъ, о томъ, что послѣдній распустилъ слухъ о женѣ Маньковскаго, будто она завлекаетъ въ свое заведеніе тѣмъ, что держитъ въ шинкѣ добытый ею у палача отрѣзокъ веревки, служившей для повѣшенія преступника. Она, будто бы, совѣтовала Маньковскому употребить также это средство. Судъ призналъ этотъ слухъ клеветою, приговорилъ Колецкаго къ тюремному заключенію и къ отдачѣ 12 фунтовъ воску въ магистратскую каплицу (См. №№ 25 и 26).

Кромѣ прибыли въ хозяйствѣ и ремеслѣ, чародѣйство могло причинить пользу и во всевозможныхъ предпріятіяхъ и снискать расположеніе лицъ, въ милости которыхъ нуждались прибѣгавшіе къ чарамъ. Не рѣдко слуги и крѣпостные прибѣгали къ чародѣйству для снисканія себѣ расположенія пановъ, но въ этомъ отношеніи расчетъ ихъ оказывался невѣренъ. Почти во всѣхъ процессахъ, цитированныхъ до настоящаго времени, мы видимъ, что магистратскіе суды, разбиравшіе обвиненія въ чародѣйствѣ, относились къ подобнымъ обвиненіямъ мягко и снисходительно. Магистратскіе урядники старались или покончить дѣло миромъ, или, легкими штрафами и наказаніями, пресѣчь вредъ, могущій, по ихъ мнѣнію, возникнуть отъ чародѣйства. Но въ совершенно другое, исключительное

положеніи
дѣла
лигенціи
нія тайн
значеніе
требован
всю стр
ваннаго
происхо

Въ
въ Кре
обвинен
ступлен
показал
уже ба
гослов
Сверхъ
произно
дашь з
Ты буд
ненную
Господ
мною,
погибну
мѣнялся
пыткѣ.
прибл
что ни
тень,
размот
свое р
всю ст
смертно
тивъ по
Въ
ненія кр
уличали
ганицве

положеніе поставлены они были въ тѣхъ случаяхъ, когда истцомъ являлся дворянинъ, помѣщикъ. Шляхтичи, представители тогдашней интеллигенціи, смотрѣли на чародѣйство не какъ на простое примѣненіе знанія тайнъ природы, а приписывали ему болѣе серьезное, антирелигіозное значеніе. Опасаясь отъ чародѣйства весьма чувствительнаго вреда, они требовали, чтобы магистраты примѣняли къ обвиненнымъ ими лицамъ всю строгость Магдебургскаго кодекса, вмѣсто обычнаго права, основаннаго на народномъ взглядѣ на колдовство. Вотъ образецъ процесса, происходившаго въ подобныхъ условіяхъ.

Въ 1730 году помѣщикомъ Лукою Малинскимъ представлена была въ Кременецкій магистратъ его крѣпостная женщина, Мотруна Перистая, обвиненная имъ въ чародѣйствѣ, съ требованіемъ, чтобы съ нею поступлено было по всей строгости закона. Пять свидѣтелей односельцевъ показали, что Мотруна въ присутствіи ихъ сказала слѣдующія слова: „я уже барыню прибрала къ рукамъ; если бы мнѣ удалось обезпечить благосклонность самого барина, то я бы боялась тогда одного лишь Бога“. Сверхъ того, два свидѣтеля показали, что, въ спорѣ съ ними, обвиненная произносила слѣдующія угрозы: „тогда средства твои поправятся и отдашь замужъ дочерей своихъ, когда волосы выростутъ у тебя на ладони. Ты будешь нагъ и бѣденъ подобно тому, какъ нага ладонь твоя“. Обвиненную допросили въ магистратѣ. Она сказала на допросѣ: „уповаю на Господа Бога, на барина и на барыню; лишь бы луна свѣтила надо мною, а звѣзды коломъ побью. Сознаюсь я, или нѣтъ, все равно я должна погибнуть“. Судъ призналъ это показаніе неудовлетворительнымъ и, примѣняясь къ статьямъ Магдебургскаго закона, подвергнул обвиняемую пыткѣ. Три раза растягивали ей члены блоками и веревками; три раза прикладывали къ ней раскаленное желѣзо, она постоянно утверждала, что никакихъ чаръ не знаетъ, и что все обвиненіе возникло изъ сплетень, распространенныхъ на ея счетъ ея сосѣдкою Корнеихою. Судъ, разсмотрѣвъ показаніе, не смотря на отрицаніе обвиненной, основалъ свое рѣшеніе исключительно на показаніяхъ свидѣтелей и, примѣнивъ всю строгость Магдебургскаго кодекса, приговорилъ обвиненную къ смертной казни, главнымъ образомъ за угрозы, произнесенныя ею противъ помѣщиковъ (См. № 34).

Въ процессѣ, упомянутомъ уже выше, возникшемъ по поводу обвиненія крестьянки Анастасіи Иванихи въ колдовствѣ, между прочимъ, ее уличали въ слѣдующемъ: будто она присовѣтовала какому-то слугѣ Нѣмцу таинственныя средства, для снисканія милости его господина. Обвинен-

ная созналась въ томъ, что она, дѣйствительно, по просьбѣ Нѣмца, сна-
бдила его тремя корешками травы, называемой „ручки Пресвятой Бого-
родицы“, съ совѣтомъ, чтобы онъ умывался этимъ зельемъ, читая мо-
литву къ Богородицѣ; при томъ она дала ему землю изъ-подъ корня
той же травы, приговаривая при этомъ слѣдующій заговоръ: „подобно
тому, какъ всѣ мы любимъ дары Божіе, произрастающіе изъ этой земли,
такъ пусть всѣ паны тебя любятъ и оказываютъ тебѣ милость“. При-
говоръ суда по этому дѣлу не сохранился (См. № 61).

Въ 1733 году каптуровый судъ Подольскаго воеводства приговорилъ
8 человекъ крестьянъ къ смертной казни за разбой. При разбиратель-
ствѣ дѣла оказалось, между прочимъ, что обвиненные, отправляясь на
промыселъ, пытались обезпечить успѣхъ своего предпріятія чародѣй-
ствомъ. Въ числѣ приговоренныхъ было три брата: Семень, Иванъ и
Микола, мать которыхъ, зная о предпріятомъ ими походѣ, предвари-
тельно читала надъ ними какія-то таинственныя заклинанія, обезпечи-
вавшія ихъ предпріятіе (См. № 39).

Въ 1749 году въ Каменецкомъ городскомъ судѣ отобранны были пока-
занія отъ семи крестьянъ и одного шляхтича, проживавшихъ въ селѣ
Пудловцахъ, обвинявшихся въ томъ, что они, безъ вѣдома двора, отрыли
кладъ на земляхъ, принадлежащихъ тому же селу. Изъ показаній яв-
ствуется, что обвиняемые клада не нашли, хотя очень усердно отыски-
вали его въ теченіи 4-хъ недѣль. Желая обезпечить за собою успѣхъ
предпріятія, они прибѣгали также къ колдовству; вотъ въ чемъ заклю-
чался весь ходъ дѣла, который можно подробно возстановить изъ ото-
бранныхъ показаній. Двое изъ крестьянъ, возвращаясь ночью изъ церк-
ви, увидѣли падающій аэролитъ. Они заключили, что это горятъ деньги
и, пригласивъ нѣсколькихъ сосѣдей, отправились отрывать кладъ. Прора-
ботавъ нѣсколько ночей, они наткнулись на твердую поверхность, пока-
завшуюся имъ каменною плитою, но, пока они расчистили эту плиту отъ
грязи и освѣтили яму, плита исчезла. Тогда они рѣшились искать по-
мощи и объясненія дѣла у ворожки. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ со-
сѣднее село Пораевку и обратился къ свѣдущей старухѣ. Вошедши въ
избу, онъ потребовалъ, чтобы ворожка узнала, по какому дѣлу онъ
пріѣхалъ. Ворожка вылила воскъ и объявила, что у него случилось
бѣдствіе въ хозяйствѣ. Крестьянинъ промолчалъ. Тогда ворожка смути-
лась, вылила въ другой разъ воскъ и, разсмотрѣвъ его внимательно,
объявила, что дѣло идетъ объ отысканіи клада; что, дѣйствительно,
деньги зарыты въ данномъ мѣстѣ въ мѣдномъ котлѣ, но что находятся

на з
рабо
затѣ
добн
тухл
жалн
ныхъ
они
свою
перв
отъ
пред
оказа
то да
стоят
и вре
64 п
Н
дло
для т
скрыт
лагали
отврат
исполн
подсуд
юридич
въ сове
виновна
гистрат
магистрат
кражѣ с
отъ подо
что вслѣ
жена Свя
Костецку
нись по
*) См. в
1, 2.

на западъ отъ того мѣста, гдѣ вырыта яма; что слѣдуетъ продолжать работу; что, по очереди, въ землѣ окажутся большой камень, затѣмъ мусоръ, затѣмъ черные черепки, и уже подъ ними деньги; что послѣднія слѣдуетъ добывать въ полнолуніе, ночью, послѣ того, какъ два раза запоютъ пѣтухи. Ободренные этими подробными сказаніями, искатели клада продолжали рыть яму по ночамъ въ теченіи четырехъ недѣль, но, кромѣ обожженныхъ кирпичей и обломковъ горшковъ, ничего не нашли. Огонь, который они высѣкали, сидя въ ямѣ, обратилъ на себя вниманіе сосѣдей, и, въ свою очередь, былъ сочтенъ пламенемъ горящихъ денегъ. Независимо отъ первыхъ кладокателей составила другая компанія и, не вдалекѣ отъ нихъ, стала рыть другую яму. Наконецъ, экономія узнала объ этихъ предпріятіяхъ и арестовала обѣ компаніи. По показаніямъ старожиловъ оказалось, что на мѣстѣ, гдѣ происходили работы, существовалъ когда-то давно покинутый кирпичный заводъ; благодаря предубѣжденію и обстоятельнымъ показаніямъ ворожеи, кладокатели потратили много труда и времени и, въ заключеніе, попали подъ арестъ и слѣдствіе (См. №№ 64 и 65).

Не менѣе широкое, чѣмъ въ хозяйствѣ, примѣненіе чародѣйство находило и въ юридической практикѣ того времени. Къ нему прибѣгали и для того, чтобы открыть виновника преступленія, и для того, чтобы скрыть преступленіе. Посредствомъ чародѣйства можно было, какъ предлагали, заставить свидѣтеля дать желаемое показаніе на судѣ и отвратить чувство боли во время пытки. Въ иныхъ случаяхъ судьи и исполнители приговоровъ должны были наблюдать, чтобы виновные и подсудимые не нарушили таинственными способами нормальнаго теченія юридическаго процесса. Если случалась кража и некого было заподозрить въ совершеніи ея, то прибѣгали къ колдовству для того, чтобы открыть виновнаго. Такъ, напримѣръ, изъ дѣла, возникшаго въ Каменецкомъ магистратѣ въ 1710 году, мы узнаемъ слѣдующія подробности: у райцы магистрата, Станислава Святovichа, пропалъ талеръ; онъ заподозрилъ въ кражѣ слугу свою, мѣщанку Костецкую; послѣдняя, желая очиститься отъ подозрѣнія, стала поститься по воскресеньямъ, въ полной увѣренности, что вслѣдствіе этого средства воръ откроется. Между тѣмъ заболѣла жена Святovichа и умерла; тогда Святovichъ обвинилъ передъ судомъ Костецкую въ причиненіи смерти его женѣ, утверждая, что она, постившись по воскресеньямъ, вѣроятно, задумала на *безголовье* его женѣ *).

*) См. книгу Каменецкаго магистрата, № 4440, листъ 521.

Въ 1717 году, въ Каменецкомъ магистратѣ разбиралось дѣло о взаимныхъ оскорбленіяхъ между мѣщанками Фарановскою и Фурикевичевою, между прочимъ, и о томъ, что Фарановская распространила невыгодные слухи о противницѣ послѣ того, какъ была призвана въ ея домъ для ворожбы. Она посредствомъ измѣренія воды должна была угадать, кто похитилъ платокъ Фурикевичевой, но, вмѣсто требуемаго указанія, она распространила молву, что въ домѣ Фурикевича происходитъ что-то недоброе, потому что во время измѣренія воды, послѣдняя вспыхивала пламенемъ (См. № 24).

Въ 1738 году Барскій замковый судъ разсматривалъ жалобу дворянина Василевскаго на дворянина Скоржевскаго: Василевскій утверждалъ, что пропавшая у него лошадь была украдена Скоржевскимъ и въ доказательство представилъ свидѣтельство, выданное знахаремъ или „ложнымъ пророкомъ“, какъ его называетъ документъ. Судъ оправдалъ Скоржевскаго, а съ Василевскаго взыскалъ 2½ гривны штрафа за то, что онъ прибѣгалъ къ помощи знахаря и „поклонился кумирамъ“ (См. № 43).

Въ 1740 году въ городѣ Олыѣ случился пожаръ. Въ поджигательствѣ обвинены были кузнецы по показаніямъ знахарки, и едва могли оправдаться. Изъ дѣла видно, что та же ворожка давала указанія на виновниковъ случившейся въ городѣ кражи (См. № 45).

Въ томъ же городѣ, два года спустя, случилась крупная пропжа въ домѣ мѣщанина Павла Савоновича. Для раскрытія виновниковъ онъ опять обратился къ ворожеѣ, мѣщанкѣ Казанихѣ, которая указала, что кража совершена женою пострадавшаго и ея братомъ, Григоріемъ Чайковскимъ. Дѣло поступило въ магистратскій судъ, который оправдалъ оговоренныхъ, а Савоновича приговорилъ къ тюремному заключенію въ теченіи недѣли за то, что онъ прибѣгалъ къ чародѣйству. Ворожка за ложное показаніе приговорена была къ 50-ти ударамъ (См. № 48).

Въ 1719 году Каменецкій магистратъ, подозрѣвалъ въ колдовствѣ попадью изъ села Устечка, приговорилъ ее къ пыткѣ, съ цѣлью пресѣчь постоянно случавшіяся въ той мѣстности воровство, разбои и чародѣйство (См. № 29).

Въ 1710 году въ Луцкій градскій судъ подана была жалоба отъ имени Дымерскаго старосты Петра Лоска на слугу его, Франциска Рогозинскаго, о томъ, что послѣдній укралъ у Лоска 800 червонцевъ и потомъ прибѣгалъ къ чаровницамъ, желая скрыть свое преступленіе (См. № 14).

Въ
любъ де
фина Л
предста
против
Галузин
объявил
довали
и ложн
далъ Л
неніе и
Въ
мѣщико
съ треб
шадей
время
женіи
ни въ че
не стопа
смертной
рлянами
обвиненн
себѣ чар
терпѣніе.
Если
замѣтимъ,
дѣйствіяхъ
уродливос
венныхъ,
сопоставле
обыденной
меты, по с
ненія надъ
томъ, всяк
не были в
тайнственно
*) См. „А“

Въ 1736 году замковый Барскій судъ разсматривалъ дѣло по жалобѣ дворянина Самуила Галузинскаго, обвинившаго крестьянина Трофима Лукашенка въ покражѣ у него вола. Въ доказательство истецъ представилъ свидѣтеля, дворянина Андрея Сохацкаго; но Сохацкій далъ противорѣчивыя показанія и, наконецъ, сознался передъ судомъ, что Галузинскій подкупилъ его, поставивъ въ свидѣтели. Тогда Галузинскій объявилъ суду, что обвиненный Лукашенко, вмѣстѣ съ тещею своею, околдовали Сохацкаго и заставили его, такимъ образомъ, дать сбивчивыя и ложныя показанія во вредъ истцу. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, оправдалъ Лукашенка, приговорилъ Галузинскаго къ штрафу за ложное обвиненіе и предоставилъ ему право взыскать убытки съ Сохацкаго (См. № 42).

Въ 1724 году въ Каменецкій магистратъ представленъ былъ помѣщикомъ Верещатынскимъ его крѣпостной человекъ, Василій Гуцуль, съ требованіемъ подвергнуть его пыткѣ, по подозрѣнію въ воровствѣ лошадей и воловъ у помѣщика и въ сношеніяхъ съ разбойниками. Во время пытки, обвиненный ни при растягиваніи членовъ, ни при жженіи огнемъ не показалъ обыкновенныхъ признаковъ страданія. Онъ ни въ чемъ не сознался и, во время производства пытки, былъ спокоенъ, не стоналъ и не кричалъ. Судъ приговорилъ его, тѣмъ не менѣе, къ смертной казни на томъ основаніи, что помѣщикъ съ 5-ю другими дворянами подтвердилъ присягою свое подозрѣніе. Отсутствіе-же признанія обвиненнаго магистратъ объяснилъ тѣмъ, что онъ несомнѣнно имѣлъ при себѣ чары и, вслѣдствіе этого, во время пытки „проявилъ завзятіе и терпѣніе, необычное въ человѣческомъ тѣлѣ“ *).

Если обратимъ вниманіе на предметы и самыя приемы чародѣйства, то замѣтимъ, что таинственная сила полагается или въ такихъ предметахъ или дѣйствіяхъ, которые поражали воображеніе странностью, рѣдкостью или уродливостью формы, или же въ предметахъ и дѣйствіяхъ самыхъ обыкновенныхъ, которые, какъ полагали, пріобрѣтали таинственную силу отъ сопоставленія съ другими предметами и дѣйствіями, неестественными въ обыденной жизни, отъ употребленія для такихъ цѣлей, для которыхъ предметы, по своему назначенію, служить не могли, или, наконецъ, отъ исполненія надъ ними дѣйствій хотя обычныхъ, но въ обратномъ порядкѣ. При томъ, всякій предметъ или дѣйствіе, котораго назначеніе или свойство не были вполне понятны и извѣстны, подавали поводъ къ подозрѣнію въ таинственномъ ихъ значеніи. Чѣмъ менѣе было реальныхъ знаній, а,

*) См. „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. V, томъ I, стр. 302.

вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ менѣе предметовъ обследованныхъ, тѣмъ шире раскрывался кругъ для мистическихъ гипотезъ и подозрѣній. Очевидно было для всѣхъ, что многія растенія мѣстной флоры обладаютъ цѣлительными или вредными свойствами. Но изслѣдованіе этихъ свойствъ не подлежало критической разработкѣ. Узнавали ихъ только медленнымъ, случайнымъ, эмпирическимъ путемъ. Собрать немного данныхъ въ этомъ отношеніи, предполагали область невѣдомаго гораздо обширнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, и потому травы составляли любимое поле, на которомъ знахари искали полезныхъ и вредныхъ средствъ для своего искусства. Общество смотрѣло также на растительное царство, какъ на богатый запасъ сокровенныхъ средствъ, и всякое употребленіе травъ (зілля) считало весьма серьезнымъ цѣлительнымъ или враждебнымъ для себя средствомъ.

Съ чародѣйственной цѣлью травы употреблялись во всевозможныхъ видахъ: свѣжія, толченныя, сушенныя, но чаще всего въ отварѣ. Отваръ предлагался въ питьѣ, въ ванну, но чаще всего служилъ для таинственнаго обливанія, подливанія и переливанія. Такъ-какъ облить кого-либо противъ его воли было невозможно и опасно, то для этого прибѣгали къ разнымъ хитростямъ: обливали данное лице во время сна, или въ безчувственно-пьяномъ состояніи, или, еще чаще, переливали ему путь, полагая, что средство произведетъ тоже дѣйствіе, если человекъ, или даже животное, перейдутъ чрезъ то мѣсто, гдѣ былъ вылитъ составъ. Дѣйствительно узанныя, или предполагаемая свойства травъ составляли секретъ знахарей. Въ большинствѣ случаевъ они не называли той травы, которую употребляли. Они чаще отдѣльвались передъ судомъ общимъ терминомъ *зілля*, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, находясь въ относительно трудномъ положеніи, высказывали болѣе точныя указанія. Въ числѣ актовъ, которыми мы пользовались, только четыре раза названы тѣ травы, которыя употреблялись съ лѣчебною или чародѣйственною цѣлью. Такъ, истолченная горчица признавалась средствомъ лѣчебнымъ; полынный корень, вмѣстѣ со многими другими, самыми странными веществами, употреблялся какъ средство противъ бессонницы; чемерица (*veratrum nigrum*) славилась какъ средство, отнимающее сообразительность и предотвращающее супружескую ревность, и, наконецъ, ростки травы, называемой „ручки Пресвятой Богородицы“, носились съ цѣлью сдискать милость знатныхъ особъ (см. М.М. 38, 35 и 61).

Но, кромѣ специальныхъ свойствъ травъ, мы встрѣчаемъ указаніе на то вѣрованіе, что, вообще, съ цвѣткомъ травы недугъ могъ перенестись

съ од
вать п
Из

такія,

или т

ожидал

подлож

нымъ с

линяні

колдун

леніе в

От

чародѣ

ныхъ в

Помет

ніемъ,

51, 53

Осо

вѣроят

препара

подъ по

цевъ. П

реливані

Вода

извѣстн

отварамъ

примѣнені

съ водою

новника в

прекращен

при дорог

выше было

Самъ ч

меты дома

колдовства.

Обрѣзан

такъ и для

ному обрѣзан

съ одного лица на другое, и потому считалось опаснымъ брать или давать цвѣты незнакомымъ лицамъ (см. № 67).

Изъ числа животныхъ признавались годными для колдовства или такія, которыя обыкновенно вселяютъ отвращеніе наружнымъ видомъ, или такія, надъ которыми были произведены необычныя дѣйствія. Такъ, ожидали, что произойдетъ особенный вредъ, если подъ голову спящаго подложена будетъ жаба (лягушка) въ глиняной посудѣ; не менѣ вреднымъ средствомъ считалась кожа змѣи, сброшенная ею весною во время линянія. Смерть могла произойти отъ курицы, если она, по повелѣнію колдуньи, пѣла пѣтухомъ подъ окномъ чьего-либо дома; наконецъ оскотленіе кота угрожало здоровью его хозяина (См. №№ 18, 19, 58, 21).

Отъ домашнихъ животныхъ нѣкоторыя части служили также для чародѣйства, какъ, на примѣръ, рогъ служилъ вмѣстилищемъ для различныхъ вредныхъ средствъ, которыя желали подбросить во дворъ сосѣда. Пометомъ домашняго скота замазывали ротъ упыря передъ его сожженіемъ, какъ это мы видимъ въ дѣлѣ о сожженіи Матковского (см. №№ 51, 53, 55).

Особенная сила признавалась за нѣкоторыми металлами. Такъ, золото, вѣроятно, въ силу своей цѣнности, входило въ составъ лѣкарственныхъ препаратовъ. Желѣзо считалось символомъ крѣпости и закапывалось подъ порогомъ дома, чтобы сообщить желѣзную крѣпость здоровью жильцевъ. При этомъ въ основаніи лежало тоже убѣжденіе, что и при переливаніи пути.

Вода имѣла самыя разнообразныя употребленія. При употребленіи извѣстныхъ заговоровъ, она служила для всѣхъ видовъ обливаній, подобно отварамъ изъ травъ. Но, сверхъ того, она имѣла и свое специальное примѣненіе. Водой лѣчили отъ *переполоха*, переливая эту болѣзнь вмѣстѣ съ водою на собаку. Особенными приемами измѣренія воды узнавали виновника кражи. Наконецъ, вода служила единственнымъ средствомъ для прекращенія засухи. Съ этою цѣлью, водою изъ рѣки поливали кресты при дорогахъ и, наконецъ, въ ней-же заставляли плавать вѣдьмъ, какъ выше было указано (см. 59, 60, 15, 24).

Самъ человекъ, члены его тѣла, пища, питье, одежда и всѣ предметы домашняго обихода представляли также богатый матеріалъ для колдовства.

Обрѣзанные волосы и ногти могли служить какъ для излѣченія, такъ и для причиненія болѣзней. Мы видѣли, что съ первою цѣлью больному обрѣзывали ногти, отрѣзывали нѣсколько прядей волосъ и, вмѣстѣ

съ различными другими веществами, забивали въ дверныя лутки осиновыми гвоздями. Подбрасываніе отрѣзанныхъ волосъ, особенно подъ подушку, считалось особенно вреднымъ для здоровья. Зубы и вообще кости мертвеца употреблялись съ цѣлью ускорить замужество (См. №№ 19, 22).

Земля, вынутая изъ-подъ слѣда человѣка, могла служить для той-же цѣли, хотя могла также употребляться и для другихъ, гораздо болѣе вредныхъ назначеній. Наконецъ, всѣ члены человѣческаго тѣла подвергались, для излѣченія, особеннымъ мистическимъ приѣмамъ, причемъ по большей части ихъ перевязывали красными нитками и тесѣмками, съ особенными заговорами и нашептываніями.

Всѣ почти вещества, употребляемыя въ пищу или питье, служили предметами чародѣйства, хотя не сами по себѣ, а какъ лучший способъ для того, чтобы заставить принять внутрь, подмѣшанное въ пищу или напитокъ, какое-нибудь болѣе дѣйствительное средство. Изъ приведенныхъ актовъ мы видимъ, что чародѣйственныя снадобья подмѣшивались въ борщъ, въ пироги, въ муку, въ пшено, въ маку, въ яйца и т. д. (см. №№ 27, 58, 4).

Но, сверхъ того, питательныя вещества иногда и сами по себѣ употреблялись для колдовства, но, въ такомъ случаѣ, употреблявшій ихъ не рассчитывалъ, что онѣ будутъ приняты внутрь, а, напротивъ того, давалъ имъ самыя оригинальныя назначенія. Такъ, напримѣръ, калачъ, вылѣпленный изъ сыраго тѣста и повѣшенный на деревѣ, наводилъ страхъ на владѣльца сада, и члены магистрата считали нужнымъ лично его освидѣтельствовать. Не менѣе страшнымъ средствомъ считалось пиво, если его лили по каплѣ черезъ ножъ съ извѣстными заговорами.

Изъ приведеннаго выше разсказа объ обмываніи частей своего тѣла въ сывороткѣ мы видимъ, на-сколько приписывали мистическую силу извращенному употребленію питательныхъ веществъ (см. №№ 28, 33).

Мы встрѣчаемъ менѣе указаній объ употребленіи частей одежды для колдовства. Во всякомъ случаѣ, оторваніе куска одежды считалось дѣломъ подозрительнымъ. При разслѣдованіи одного изъ дѣлъ о чародѣйствіи, немаловажную улику противъ обвиненной личности составило показаніе свидѣтельницы о томъ, что подсудимая когда-то отрѣзала у ней кусокъ пояса (см. № 28).

Ремесленники для поправленія своихъ дѣлъ сыпали пыль въ голенища (см. №№ 5, 6, 7).

Изъ числа предметовъ домашняго быта мы уже видѣли значеніе, какое придавали ниткамъ при лѣченіи болѣзней. Въ связи съ ихъ зна-

ченіемъ, въ 1742 ствѣ мѣнѣ въ Макав среди ко красною значенія города и

Вообщъ вообще, в ключитель считали в личества причемъ лобольнѣ, ступиннѣ

Такоу, въ Иоаннъ Ст угрожала раздуеть, у воротъ священникъ

Многіе Утаскиваніи (кирпича) см вредъ здоров метовъ из колдованья, раскаленные (см. №№ 5)

Еще бол Его распла изгибы его, дѣлѣ. Приѣм номъ дѣлѣ о Смола и свойствѣ эти

ченіемъ, находилось понятіе о чародѣйственномъ значеніи веретена. Такъ, въ 1742 году въ Дубенскомъ магистратѣ обвинена была въ чародѣйствѣ мѣщанка Параска Янушевская за то, что она явилась въ церковь въ Макавеевъ день освящать, согласно съ обычаемъ, разныя травы, среди которыхъ она спрятала для освященія веретено, перевязанное красною лентою. Магистратъ потребовалъ отъ нея объясненій на счетъ значенія веретена, но Янушевская, опасаясь разслѣдованія, скрылась изъ города и не могла быть представлена въ судъ (см. № 50).

Большое значеніе, какъ средство для чародѣйства, имѣла веревка вообще, и особенно такая, которая прежде служила для какой-либо исключительной цѣли. Мы уже видѣли, что ремесленники повсемѣстно считали весьма дѣйствительнымъ средствомъ для снисканія большого количества заказовъ забиваніе кусковъ веревки въ щели своихъ станковъ, причемъ пытались добывать веревку, или висѣвшую у колокола на колокольнѣ, или, еще болѣе, ту веревку, на которой былъ повѣшенъ преступникъ (см. №№ 5, 6, 7, 8, 25, 26).

Вообще, потряхиваніе веревкой считалось приемомъ предосудительнымъ. Такъ, въ 1710 году, въ Каменецкій магистратъ жаловался священникъ Іоаннъ Ставицкій на жену священника Бабиженка о томъ, что послѣдняя угрожала женѣ перваго смертью, говоря: „попадья будетъ пухнуть, и ее раздуетъ, и она треснетъ“. Вслѣдъ за тѣмъ угрожавшая стала ходить у воротъ дома Ставицкаго, потряхивая постоянно веревкою, въ чемъ священникъ видѣлъ ясное чародѣйство (см. № 11).

Многіе приемы колдовства были связаны съ домашнимъ очагомъ. Утаскиваніе изъ печи угля и *печины* (куски вываливагося изъ печи кирпича) считалось дѣйствіемъ весьма враждебнымъ и могущимъ нанести вредъ здоровью и хозяйству, равно какъ и перебрасываніе этихъ предметовъ изъ своего двора на чужой. Самъ огонь служилъ если не для колдованья, то для ворожбы. Посредствомъ огня старались открыть вора, раскаленными углями ворожили о возвратѣ въ домъ любимаго человѣка (см. №№ 51, 53, 24, 66).

Еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для ворожбы считался воскъ. Его расплавляли, выливали на воду и, всматриваясь въ случайные изгибы его, старались вывести указаніе, какъ поступать въ начатомъ дѣлѣ. Приемъ этотъ особенно подробно разсказанъ въ выше приведенномъ дѣлѣ объ отысканіи клада (см. № 64).

Смола и деготь, вѣроятно вслѣдствіе замѣченныхъ дезинфекціонныхъ свойствъ этихъ веществъ, считались специфическими средствами, необхо-

дыми при сожиганіи упырей. Мы видѣли, что одному изъ нихъ, передъ казнью, завязали глаза тряпкою, намоченною въ смоль, другого сожгли въ бочкѣ, наполненной смолою (см. № 55).

Наконецъ, изъ предметовъ, встрѣчающихся въ домашнемъ быту, важное значеніе приписывалось сору. Нерѣдко возникали процессы за выбрасываніе сора въ чужую усадьбу, причемъ этому дѣйствию приписывалось постоянно мистическое значеніе, и виновнику его вмѣнялось намѣреніе очаровать сосѣда (см. №№ 23, 36).

Даже исполненіе религіозныхъ обрядовъ могло, какъ полагали, обратиться въ средство для колдовства, весьма вредное, если только обряды эти исполнялись въ ненормальныхъ условіяхъ. Такого рода чародѣйство считалось самымъ опаснымъ и, въ общественномъ мнѣніи, влекло за собою смерть того лица, на *безголовье* котораго было задумано. Къ приемамъ такимъ относились слѣдующія дѣйствія: если кто-нибудь ставилъ передъ образомъ въ церкви свѣчу, задумавъ на душу другого, то прилѣплялъ ее пламенемъ внизъ, а не вверхъ. Точно такъ-же можно было причинить вредъ врагу, рѣшившись поститься на его „безголовье“; въ такомъ случаѣ постъ долженъ былъ соблюдаться въ скоромный день и, по преимуществу, въ воскресенье. Вообще смертоносную силу приписывали проклятью, особенно, если оно настойчиво и часто повторялось (см. № 41).

Наконецъ, всякое дѣйствіе, почему-либо казавшееся страннымъ, безцѣльнымъ и обращавшимъ на себя вниманіе, хотя-бы по существу самое невинное, возбуждало подозрѣніе въ чародѣйствѣ, а иногда и совершенную въ немъ увѣренность. Таково, на примѣръ, было вѣрованіе въ зловредное значеніе для постѣвовъ *завитокъ*, въ чародѣйство женщинъ, если онѣ выходили ночью изъ дому раздѣтыя и даже если ночью встрѣчались на улицѣ и т. п.

Разумѣется, всѣ перечисленные предметы и дѣйствія рѣдко могли оказать пользу или вредъ сами по себѣ. Для приданія имъ таинственной силы, необходимо нужно было знать формулы особенныхъ заговоровъ, заклинаній (*incantaciones*) и шептаній, которыя способны были направить силу даннаго предмета или дѣйствія къ той цѣли, къ которой стремился употреблявшій. Конечно, формулы эти не высказывались на судѣ ихъ обладателями; впрочемъ, по нѣсколькимъ встрѣтившимся образцамъ, можемъ судить, что онѣ были довольно несложны и лишены всякаго мистическо-религіознаго характера. Заклинатели заявляютъ въ своихъ формулахъ желанія, чтобы средство дѣйствовало такъ, или иначе. Или употребляли подобіе или сравненіе, какъ, на примѣръ, заклинаніе при зарытіи желѣза подъ порогомъ, или обращались съ молитвою къ Спасителю, къ Богородицѣ и Святымъ; или, наконецъ, произносили слова случайныя, неизвѣ- шія даже связи другъ съ другомъ.